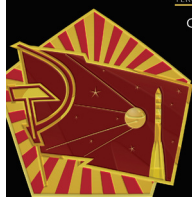

СЕРИЯ РЕДАКТОР КАЧАЛКИНА

ТЕКСТ НЕБЕСНЫЙ
СТОКГОЛЬМ

АВТОР: ОЛЕГ
НЕСТЕРОВ

КРУТОЙ МАРШРУТ
СОВЕТСКИХ 60-Х:
ОТ ШВЕДСКОГО СОЦИАЛИЗМА
К СТОКГОЛЬМСКОМУ
СИНДРОМУ
АРТЕРИЙ ТРОНИЦКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО: РИПОЛ КЛАССИК

Редактор Качалкина

Олег Нестеров
Небесный Стокгольм

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестеров О. А.

Небесный Стокгольм / О. А. Нестеров — «РИПОЛ
Классик», 2016 — (Редактор Качалкина)

Петр, Антон и Кира – три закадычных друга, чья юность выпала на начало шестидесятых прошлого века, эпоху расцвета стиляг и ожидания свободы. Упразднено Четвертое управление контрразведки, написан «Бабий Яр» Евтушенко, напечатан «Один день из жизни Ивана Денисовича» Солженицына, литературные чтения собирают стадионы... но стране требуются безвестные герои, «специалисты по юмору», которые будут придумывать и запускать в массы анекдоты. Мыслящей прослойке общества нужно выпустить пар, так пусть они рассказывают друг другу анекдоты и смеются... Три товарища становятся теми самыми «специалистами по юмору», всё начинается как забавная игра, вроде бы не всерьез, но кто знает, чем каждому из них придется пожертвовать ради службы государству... Так мог бы написать свой «Звездный билет» Василий Аксенов, если бы дожил до наших дней!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нестеров О. А., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

О действующих лицах	6
Часть первая	7
1962	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	51
1963	53
Глава 12	53
Глава 13	57
Глава 14	64
Глава 15	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Олег Нестеров

Небесный Стокгольм

© Нестеров О. А., текст, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Вообще система вас угробить может только физически. Ежели система вас ломает как индивидуума, это свидетельство вашей собственной хрупкости. И смысл данной системы, может быть, именно в том, что она выявляет хрупкость эту, сущность человека вообще, наиболее полным образом.

Соломон Волков. Диалоги с Иосифом Бродским

О действующих лицах

В моей книге действующие лица являются вымышленными, но некоторые из них имеют связь с реальными людьми. Они имеют схожие биографии, у них одни и те же профессии, часто с ними происходят события, происходившие с их прототипами на самом деле, порой они даже связаны творческими работами, о чем я обязательно сообщаю отдельно. И все же это придуманные мною персонажи.

Все они – порождение моей фантазии. Они не отражают какие-либо мои суждения относительно реальных людей, на месте которых они оказались. Никакие характеристики, качества, действия, мысли, намерения, высказывания и мнения этих персонажей не следует принимать за указание на характеристики, качества, действия, мысли, намерения, высказывания и мнения реальных личностей.

Часть первая

1962

Глава 1

Дом был красивый, но с бородавками. Чудной, огромный, непонятно из какого времени, своим парадным фасадом он был почему-то развернут в переулок. По нижним трем этажам шли каменные пупырышки, некоторые окна смотрели будто бы из-под бровей с кокетливыми стрелочками, а на самом верху между нарисованными в стиле ар-деко растениями были вплетены серпы и молоты.

– Немцы старались, достраивали в 44-м, – пояснил Антон. – А вообще-то, тут вместо переулка до войны планировалась магистраль, два вокзала соединяла бы напрямую, Северный и Западный.

– Северный – это Ленинградский или Ярославский? – спросил Петя.

– Северный – это Северный, – улыбнулся Кира. – Ты бы других сейчас и не знал.

Они шли нагруженные бумажными пакетами и авоськами – к новогоднему столу нужно было докупить всякой всячины, – и после работы они завернули к себе в «сороковой».

Им открыла высокая крупная девушка. Подставила щеку Антону и строго представилась:

– Вера.

Захотелось сразу снять ботинки.

В коридоре показался бородатый парень в очках, похожий на геолога.

– Старик, и ты собираешься на ней жениться? Она же тебя рожать заставит. Я тут за три часа выучился и яйца взбивать, и морковку тереть.

– Эдик, мой одноклассник. – представил его Антон. – Мы и в Бауманке с ним вместе учились, только он на прикладной математике. Кибернетик.

– Я не кибернетик, я программист, – обиделся Эдик. – Меня тела машин не интересуют, я про их души.

– Его послушать, так будущее уже наступило. Рассказывает какие-то небылицы. Взял и уехал в Академгородок.

На кухне хлопотала еще одна девушка, Пете она сразу понравилась, что-то от нее такое шло. И платье на ней было необычное. Петя только задумался на секунду, как правильной нужно было бы его снимать.

– Это по твоей части. – Вера дала ей красную рыбу, и та стала ее стремительно раздевывать. – Катя, моя подруга. – Она заметила Петин взгляд. – А вообще она классная портниха. В нашем доме ее ателье, обшивает целое министерство.

– И тебя заодно, – улыбнулась Катя.

– Ей месяц назад дали комнату в соседнем подъезде. Счастливая, теперь ходит на работу в тапочках. – Вера вдруг замерла и громко крикнула: – Антон, шампанское. На бал-кон! Все ведь в последнюю минуту, – объяснила она. – Вчера его родители взяли и укатали за город. Вот и гуляем.

Раздвинули стол, быстро перетаскивали всю еду из кухни. Но садиться было никак нельзя – ждали Мухина и Белку.

В дверь хаотично зазвонили.

– Ну что, узнали, что я вам сыграл на этот раз?

Вероятно, это и был тот самый Мухин.

– Впечатление, что еле до туалета терпишь.

– Эх вы... Это же «Бессаме мучо»! Вот она попросила.

В квартиру впрыгнула девушка в белой шубке из искусственного меха.

– Белка! Ну где тебя носит? – Антон был строг.

– Скажи спасибо, что вообще пришла. Иди лучше погрози с балкона – там стоит один недоверчивый. Я ему сказала, что ты мой муж и его убьешь. А с Мухиным мы у лифта столкнулись. Пока ехали, даже уходящий год немного проводили.

– Мухин, а что же ты без гитары-то?

– Верунчик, а давай я тебя заставлю в новогоднюю ночь на счетах щелкать.

– Я, между прочим, не бухгалтер, я экономист.

– Всякий раз, как увидишь меня с гитарой, знай, я при исполнении.

* * *

Провожали Старый год, было что провожать.

– Редко бывает, когда год остается в нашей памяти одним-единственным событием. Плохим или хорошим. – Антон поднял бокал. – А этот был именно таким.

Чокнулись.

– А мне не кажется это таким уж очевидным, – не согласилась Белка. – Ну, полетел человек в космос, ну и что? Мы что, помним, когда кто-то впервые в пучину морскую спустился? Или на лыжи встал?

– Небо-то опустело, – улыбнулся Кира. – Раньше там ангелы летали, Бог на облаке сидел. Всех разогнали. Теперь нужно его как-то заселять.

– Первый пошел. – Мухин разлил всем по второй.

– А вам не кажется, что важнее в уходящем было другое? – спросил вдруг Кира.

– Ты про новые деньги? – Вера неодобрительно посмотрела на него, как будто бы он все это затеял. – Еще разок такое сделаем – можно будет на рубль целый месяц жить.

– Я про обратный отсчет. Через двадцать лет будем жить в новом обществе. Время, между прочим, уже пошло.

– Начнем творчески преобразовывать мир.

– Я его уже и так творчески преобразовываю, – пожал плечами Мухин, – музыку играю.

– А я платья шью, – сказала Катя.

– А я железо думать заставляю. – Эдик, видимо, своей работой очень гордился.

– Мухин, ну ведь ты только за деньги играешь, на работе. – Антон поддержал Киру. – И Катя за красивые глаза платья вряд ли кому пошьет. А речь-то идет о том, чтобы труд не разделять с досугом. Что бы все удовольствие получали, работая. Процесс интересней результата.

– Слышали, есть такая мудрость китайская, что-то типа: «Желаю тебе найти такую работу, чтобы не понимать, когда у тебя выходные, когда будни»? – спросил Петя.

– Утопия очередная. – Мухин поднял свою рюмку. – Кончится тем, что все на гитарах начнут играть. В лучшем случае. Давайте-ка лучше за мир во всем мире!

Выпили. Антон все никак не мог успокоиться:

– Вот смотри, Мухин, теоретически я могу Верой управлять разными способами. Могу силой – бить ее, к примеру, по вечерам.

Вера посмотрела на него с интересом.

– Могу на зависимость подсадить, скажем, от члена. Могу деньгами, в меха одевать и камешки навешивать. Могу, в конце концов, к попам отвести – ручная станет. Могу иногда страшные истории рассказывать о том, как баба-дура мужика потеряла. Причем все эти спо-

собы – уровни с возрастающей эффективностью. Но при этом на каждый из них мне нужно будет убивать все больше и больше времени. А есть способ абсолютно беспроегрышный.

– Это какой же? – спросила Белка.

– Да просто любить ее, – предположила Катя.

– Если мы начнем с ней одинаково на мир смотреть. Тогда мне ею и управлять не нужно будет.

– А при чем тут коммунизм-то? – не понял Мухин.

– Просто нужно очень много времени, чтобы нового человека воспитать и отстроить, – пояснил Антон. – Это никак не двадцать лет.

– Но с другой стороны, этот год может войти в историю именно как начало пути, – заметил Кира.

– Ну, хватит болтать! – Мухин начал открывать шампанское.

Все встали, уже били куранты.

* * *

Началось веселье. То ли все были голодные, то ли усталые, но спиртное подействовало быстро, через полчаса стол уже сдвинули, и начались танцы.

Мухин принес катушки с модными записями, у Антона недавно появился магнитофон «Gintaras» – прибалтийское производство, чудо советской техники, подмигивающее зеленым глазом.

Тон задавали Белка, была она, конечно, хороша, но Петя сразу сказал себе – нет. Какой смысл? Во-первых, это сестра Антона, во-вторых, ей явно нравился Кира, а в-третьих, шансы с такой всегда сомнительны. Рисковать в этом плане Петя не любил – когда решили сделать перерыв, сел на диван рядом с Катей.

– А я тут Хрущеву на гитаре играл, – вдруг сказал Мухин. – В подвалах Кремля. Мы с Гагариным ему песни пели.

– А он гопак танцевал.

– Да ладно вам. Я серьезно. Отыграли концерт в новом Кремлевском дворце, как раз когда съезд шел, а потом нас повели куда-то: Гагарина, меня, Капу и Выставкина с аккордеоном. Идем, идем, минут двадцать идем, спускаемся все ниже и ниже. Какие-то подземные коридоры, за каждым углом люди стоят. Чистые катакомбы. Привели в какую-то комнату, там стол накрыт, Хрущев сидит, дочь его, Рада, и Аджубей.

– Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей.

– Принц-консорт. Пардон, принц-комсорт.

– Дали выпить, бутерброд с икрой, потом Капа попела немного, а Хрущев ей – давай, мол, теперь мою. Посмотрел на Гагарина – только ты тоже пой. Тот меня приобнял, и затащили все вместе: и Капа, и Гагарин, и Хрущев, и я... Такой вот у нас хор получился. А потом Хрущев платком лысину протер и ушел в потайную дверь.

Антон поднял палец. Все умолкли.

– Жаклин в конце должна кричать: «Никита, Никита!»

Кира с Петей переглянулись и вдруг покатались от смеха. Все сидели, ничего не понимая, пока наконец Вера не сказала строго:

– Так, ну хватит уже. Давайте говорите, в чем дело.

– Вера, нет! – замахал руками Антон. – Это по работе.

– По работе? – заинтересовалась Белка. – Чем же, братец, вы там занимаетесь? Мне всегда казалось, что ваша организация серьезная.

– Старик, давай все-таки не при девушках. Пойдем покурим. – Кира поднялся с дивана.

– Эй, эй, мы так не договаривались! У нас тут Новый год и веселье, – не унималась Белка. – Братец мой смешно рассказывать не умеет, у него все, как из «Науки и жизни». Давай-ка ты.

Она потянула Киру за руку и усадила рядом. И тотчас залезла на диван с ногами.

Шансов устоять перед ней не было никаких. Кира сделал паузу, вздохнул и вкрадчиво начал:

– *Жаклин Кеннеди выбрила лобок. Ее спрашивают: «Ты чего, мол? Некрасиво!» А она: «Муж очень пугался. Проснется ночью и кричит: „Фидель, Фидель!“». – «Ну и что, помогло?» – «Да не совсем. Теперь просыпается и кричит: „Никита, Никита!“».*

Белка прыгала на диване, веселясь, Вера схватила Антона и попыталась его задушить. Катя просто смеялась, не стесняясь.

– Иди запиши! – попросил Антона Кира.

– погоди. Вот тебя, Мухин, сразу определишь, на работе ты или нет, а про меня ведь ты никогда такого не скажешь. Вот вроде бы мы празднуем и веселимся, но при этом выполняем дело государственной важности. Понял?

– Ладно-ладно, туману-то напускать, больно важный стал. Вот прилетит Жаклин через год в Москву, вызовут опять в Кремль играть, тогда я вам и расскажу, что у нее и как.

– Мухин, а на чем ты играешь? – спросил Петя.

– На электрогитаре.

– Позови как-нибудь на концерт.

– А пойдемте шестого в кино, на премьеру? – предложила Катя. – По радио хвалили, говорят, актеры красивые и музыка модная. Фантастика, по Беляеву, «Человек-амфибия».

Танцы вспыхнули с новой силой.

Перед этим открыли «Массандру» из родительского бара, и девушки быстро прикончили всю бутылку. Первой вянуть на глазах стала Вера: весь день у плиты, плюс дебют гостеприимной хозяйки. Когда она заснула на диване окончательно, Петя с Антоном отнесли ее в чулан, где стояла тахта, на которой обычно останавливался родственник из Тамбовской области, привозящий осенью картошку и квашеную капусту. Ее там и положили, под железнодорожной картой Советского Союза.

Антон пригласил на танец Катю, Белка – Киру. Мухин вдруг засобирался – ему нужно было к молодой жене, та не захотела бросать в новогоднюю ночь родителей. Эдик поковырялся в мухинских записях, завел какую-то бесконечную катушку с очень медленной музыкой и слинял, потушив свет.

Через какое-то время растворились и Белка с Кирой.

Антон Катю из своих объятий не выпускал, спрашивал про платье, как она их придумывает, потом они немного обсудили и костюмы Жаклин, потом он стал требовать, чтобы Катя ему показала, каким образом она свое платье надевает, потому что эта загадка целый вечер не дает ему покоя.

Но для этого, конечно, его нужно было сначала снять.

Петя ушел на кухню. Луна светила в окно, внизу бегали девушки с бенгальскими огнями. Он взял початую бутылку шампанского, вышел потихоньку и вызвал лифт.

Глава 2

Обедать обычно ходили в пирожковую. Была у них, конечно, хорошая столовая, все свежее и недорогое, а главное, без этих общепитовских фокусов. Но там было скучно, мужики взрослые со своими разговорами, а к ним присоединяться пока еще не хотелось. Зато до пирожковой – два шага. До улицы Жданова – бывшей Рождественки – и налево, на углу. Там напротив был Архитектурный институт, а поэтому всегда собиралось полно студентов,

ну и студенток, конечно. Но приходили они туда не только за атмосферой, там было невообразимо вкусно. Смуглые немолодые женщины, скорее всего татарки, бойко раскатывали тесто, лепили пирожки, на десять копеек можно было взять порцию бульона, наваристого и душистого, и по семь копеек пирожков – сколько душа пожелает. И стоять за круглыми столиками под мрамор, смотреть в окно на прохожих, наблюдать сцены из студенческой жизни и просто разговаривать друг с другом. На это у них был целый час.

Но самое главное – именно здесь им приходили самые свежие мысли.

– Отжимаем Усатого и торжественный вынос тела.

– Институт стали.

– Институт лени.

– Совсем не смешно.

– Может, Электросталь в Электрохрусталь?

– А смысл?

– Ну, там типа Сталин, а тут Хрущев.

– Ага. Просто высший класс.

– Нет, ну ты послушай, хорошо же.

П: После XXII съезда Институт Стали хотят переименовать в институт Лени, а город ЭлектроСталь в ЭлектроХрусталь!

– Ну ладно. А что у нас сегодня на Лысого?

– Есть кое-чего. Про рыбаков, про Чомбе в шоколаде и про сраку.

– Зачем нам про сраку-то? Давай тогда еще раз по порядку.

П: Хрущев ловит рыбу. Два старых рыбака хотят его позлить. «Давай подойдем и спросим, как рыбка ловится». Если он скажет: «Хорошо», ты ответишь: «На дурака рыбка всегда хорошо ловится». Если: «Плохо», ты скажешь: «Где ж тебе государством управлять, когда рыбы наловить не можешь». Подошли, спросили. А Хрущев бодро, весело, жизнерадостно: «Шли бы вы, деды, в жопу!»

– Хмурое у нас было утро.

– Теперь второй.

П: Что такое Чомбе? – Это Хрущев в шоколаде.

– Катастрофа.

– Ну и последний. Могу не читать, мне кажется, лучше его забыть, как страшный сон.

– Нет, у нас же правило, даем шанс.

П: Летят в спутнике Хрущев, Кеннеди и Ульбрихт. Увидел Бог, что до него едва не добрались, и решил наказать наглецов. Взял Кеннеди за шевелюру и выбросил со спутника. Потом Ульбрихта за бороду – и тоже выбросил. Добрался до Хрущева. Гладил, гладил по лысине и говорит: «Это какая же зараза сраку подставила?»

Помолчали. В пирожковую вошли две студентки с тубусами.

– Что будет если дать молотком по лысине? – задумчиво спросил Петя.

– Тогда все будет, – сказал Кира, глядя на девушек. Антон закачал головой:

– Это не пойдет.

– Как не пойдет? Это же смешно...

– Он злой. Усиливает агрессию. А нам нужно ее смягчать. Так, нам пора. Лук ждет.

* * *

– Для начала я попрошу вас издать звуки удовольствия: радости, ликования, злорадства, блаженства, – попросил Лук. – То есть мне нужны все оттенки смеха.

Ровно минуту комната наполнялась разнообразными звуками, они не считали нужным никак себя сдерживать. Вряд ли в этом суровом здании когда-либо подобное происходило. Если только до революции.

– Так. Хорошо. А теперь я попрошу от вас крики ужаса.

Это у них получилось даже лучше. К ним кто-то заглянул, но, увидев Лука, сразу прикрыл дверь.

– Чувствуете разницу? Вопли несчастья характеризуются длинным непрерывным выдохом и коротким вдохом. – Лук еще раз это продемонстрировал. – А при смехе – наоборот: вдох непрерывный и достаточно длительный, а выдохи короткие и прерывистые.

На всякий случай все проверили.

– Улыбнитесь, – вдруг потребовал Лук.

Все трое неестественно попытались растянуть губы в улыбке.

– Улыбка – это первая ступень смеха. – Лук стал прохаживаться перед ними, и все трое вдруг опять почувствовали себя, как на лекции. – Чтобы издать звук удовольствия, необходимо растянуть углы рта.

Он остановился и продемонстрировал. Все послушно повторили.

– Но если удовольствие недостаточно сильное, то осуществляется только первая часть реакции – растягивание углов рта, а до звуков дело не доходит. Так улыбка превращается в самостоятельное выражение удовольствия – у всех народов во всем мире. – Лук сделал паузу. – Запомните: улыбка и смех – это естественная реакция на удовлетворение. Вам хорошо, вы смеетесь, и в вашем смехе звучит здоровье и брожение молодых сил. Смех без причины – это самый завидный смех.

При этом сам он старым и несчастным не выглядел.

– Акт смеха сам по себе приятен, вызывает эйфорию и комфорт. А поскольку он приятен, человек научился смешить только для того, чтобы было смешно. Скажите мне, есть ли разница между остроумием и чувством юмора?

– Мне кажется, нет, – сказал Петя.

Лук наклонил голову, как ученая птица:

– Однажды престарелый Бернард Шоу пошел погулять. И тут какой-то идиот на велосипеде его сбивает. – Он неодобрительно посмотрел на Петю. – Подскакивает, поднимает, извиняется. А старик ему: «Нет, нет, ну что вы, успокойтесь. Представляете, как вам не повезло? Чуть побыстрее бы ехали – и прославились бы на весь мир, став моим убийцей».

Лук подвел итог:

– Это называется *чувство юмора* – отыскать смешное в не смешном. Уметь подняться над ситуацией и посмотреть на себя со стороны. Не все это могут, некоторым силы духа не хватает. – Он критически обвел их взглядом.

Он вновь начал прохаживаться перед ними взад-вперед.

– Итак, запомните: чувство юмора превращает потенциально отрицательную эмоцию в ее противоположность. Я люблю цитаты, вот вам для закрепления: *«Всё жестокое смягчается, всё наше раздражение и досада улетучиваются, и приходит чувство солнечной радости»*.

Марк Твен.

«Работаем с *солнечной радостью*, – вот здорово», – подумал про себя Петя.

– Ну а остроумие? – спросил Антон.

– Лучше всего тебе бы ответил Фрейд. Он видел в основе остроумия всего два стремления – агрессивное и сексуальное.

– Пока не очень понятно.

– Согласись, у тебя не торс атлета. Вот у него с этим получше. – Лук кивнул на Петю.

– Предположим.

– И одеваешься ты простовато, да и лицом твой коллега поинтересней. Есть еще критерии, о которых я ничего не могу сказать: как там у тебя в штанах и можешь ли ты этим сокровищем хорошо распорядиться?

Антон покраснел. Лук перестал читать лекцию и начал объяснять все очень ясно и просто:

– В конце концов ты можешь станцевать перед девушкой так, что она забудет обо всем на свете. – Он вдруг сделал несколько смелых движений. – Но если ничего этого нет, у тебя остается лишь одно средство победить – твоё остроумие. А заодно и мимоходом убить своего соперника – одна фраза, и его нет.

Лук наклонился к Антону и посмотрел ему в глаза. Потом опять заходил по комнате.

– Как ни странно, остроумие – ещё и отдушина для чувства враждебности. Если вам что-то не нравится и вы не в силах это изменить, вы будете бесконечно над этим шутить.

Лук покружил-покружил ещё и наконец сел.

– Каждый из нас стремится свою энергию попусту не тратить. Остроумие позволяет нам экономить на торможении, нам меньше нужно сдерживаться. А чувство юмора – это экономия чувств. Мы просто преобразуем боль и гнев в улыбку и смех.

Лук сделал паузу и посмотрел в окно.

– Теперь что об остроумии говорит Ленин... Если точнее, это все мысли Гегеля в «Науке логики», кстати, самые интересные рассуждения в мировой литературе на эту тему. Ленин просто законспектировал его в «Философских тетрадах». Итак: *«Остроумие схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет понятие светиться через противоречие»*. Таким образом, *светящееся противоречие* между сущностью и явлением есть то общее, что присуще всему остроумному, – замысловато подвел итог Лук. – На сегодня все.

Он собрал портфель и молча вышел. Все с облегчением выдохнули.

– Голова гудит, – сказал Петя. – Зато я теперь знаю, как могло бы называться наше подразделение. *«Группа солнечной радости и светящегося противоречия»*.

* * *

Вообще-то они назывались «Группа по анекдотам». Все произошло стремительно, и Петя долгое время не мог поверить в происходящее, думалось, рано или поздно им скажут – ну все, посмеялись – и хватит, розыгрышу конец. Идите делом заниматься.

Все началось с того, что Петю вызвали в деканат, это было уже во время диплома, там сидел какой-то незнакомый дядька, задал ему несколько вопросов, а потом повел его в комнату на первом этаже, с дверью без таблички и даже без номера. За все пять лет Петя никогда не видел, чтобы ее кто-то открывал.

Там ему и сделали предложение. Все было просто и логично. Ситуацией в стране Петя интересовался и был в курсе, что сразу после смерти Сталина статус органов госбезопасности понизили с министерского ранга до Комитета при Совете министров, формально уронив его с Комитетом по делам религий. И было понятно почему – весь этот ужас не должен был повториться.

Михаил Иванович – так этот мужчина представился – рассказал, что органы сократили вполовину, палачей всех выгнали. Теперь была нужна свежая кровь – честные и толковые молодые ребята, которые просто хорошо будут делать важное для страны дело. В органах объявили «комсомольский набор», искали кандидатов среди выпускников институтов, инженеров с производства и комсомольских работников. Пусть у них пока никакого опыта, зато руки чистые.

Петя думал недолго, через неделю в той же комнате с ним встретился еще один человек, совсем еще молодой, лет тридцати пяти, и после разговора с ним Петя уже не сомневался.

Это был Петин будущий начальник, Филиппыч, за глаза хотелось называть его именно так. Работая с ним уже полтора года, Петя не переставал ему удивляться. Он был каким-то очень адекватным, никаких тебе догм и стереотипов, все ясно и по существу. Умел слушать и принимал аргументы. Но свои доводы выстраивал так, что никуда не денешься. На каждого настраивался по-особому, окружал себя личностями, каждого откуда-то откапывал и использовал по полной. У него было какое-то свое поле, оно сразу обволакивало, и иногда становилось совсем уж не по себе, казалось, Филиппыч видит насквозь и считывает все твои мысли.

Как-то, Петя тогда уже почти год работал с Филиппычем, тот вспомнил, как после войны они разбирали тонны книг, которые свезли в Петропавловку из всех разрушенных хранилищ и квартир Ленинграда. Нужно было все рассортировать и развести по библиотекам. Сидели на хорах, в соборе, почти под куполом, и часами читали, не могли оторваться. Чего там только не было, и какие издания! Потом это чтение обрело порядок в голове, в университете ему читал лекции по истории академик Тарле.

Сорок осколочных ранений и пробитое легкое – вот что про него еще говорили.

* * *

За эти полтора года Петя кое-что узнал про свою могущественную организацию, в которую он попал не в самое простое для нее время. По слухам, Хрущев спецслужбу не очень жаловал и приказал новому шефу Комитета Шелепину ее «распугать и разлампать», слишком много там, по его мнению, было генералов. Сам Шелепин от воинского звания отказался, кадровым сотрудникам не очень доверял, многих поубирал, поставив своих «младотурок» на руководящие должности. Выполняя волю Хрущева, он сразу начал перекраивать структуру комитета, особо ни с кем из специалистов не советуясь. Ему отвечали тем же, почти сразу прозвав «железным Шуриком».

Но главное, чего не могли простить ему ветераны, – это слив агентуры, накопленной годами. Ну не совсем, конечно, слив, но количество стукачей во всех слоях общества он сильно сократил. Менялась концепция, под это дело его руководителем и поставили – предупреждать, а не карать. Иногда, правда, доходило до абсурда: Петя слышал историю, когда летом позапрошлого года в Москве скомплектовали группы из общественности по наблюдению за иностранцами. Студенты, рабочие, инженеры и пенсионеры, как могли, следили за ними в местах повышенной опасности – в музеях, бассейнах, библиотеках, там, где они могли бы спокойно встретиться с кем не надо и сделать свое черное дело. На японской промышленной выставке поймали аж сорок человек, имевших контакт с японцами. Случился скандал, иностранцы подняли панику, что в СССР за ними всюду следят, и затею благополучно свернули.

В феврале 60-го, совсем незадолго до того, как Петю «призвали», Хрущев приказал упразднить четвертое управление, занимающееся антисоветчиками. Среди прочего оно держало под контролем художников, писателей, студентов, ученых и конечно же «церковную линию». Теперь все подразделения, занимающиеся «внутренними» задачами в стране, сливались в одно Главное управление контрразведки.

В его структуре и появилась служба «А», занимающаяся «активными мероприятиями», то есть дезинформацией. Америки тут никакой не открывали, скорее пытались ее догнать и перегнать, действовали по старой схеме: реальные факты менялись до неузнаваемости, что-то вовсе придумывалось, ценилось только то, что не вызывало сомнений в истинности и отторжения – только в этом случае дезинформация становилась информацией. Главное,

чтобы никто не мог догадаться, что им манипулируют. Вбрасывалось это все дозированно, через разные каналы, между собой никак не связанные. Попросту говоря, через специальных людей, которых кормили секретами, а они и представить не могли, какую важную роль играют в этой игре. Каналы были самые разнообразные: от сотрудников Минобороны до иностранных журналистов, от модных скульпторов и поэтов до светлых умов из Академии наук.

* * *

Петя до сих пор помнил, как он впервые вошел в это здание – ноги ватные, сердце стучит, старался даже не сутулиться. Оказался в небольшой комнате в компании еще двух таких же, как и он, полосатиков – так они себя потом между собой иногда называли. В личных делах тех, кто соглашался идти работать в органы, появлялась диагональная полоса через все страницы. Совсем скоро они все друг про друга узнали.

Антон заканчивал Бауманку, шел на красный диплом. В его жизни главным и почти единственным смыслом была наука, он свято верил, что только она плюс системный подход смогут хоть что-то изменить в стране. Ученые – вот новый влиятельный орден, аристократы духа, вершина социальной пирамиды. Какой там партхозактив с семьей классами? Какая идеология, после Двадцатого-то съезда? Кто в нее поверит? Хватит уже.

Но в какой-то момент Антон вдруг понял, что большим ученым ему не стать. А иных вариантов в науке он для себя не видел. В этот момент ему и поступило предложение. Он сразу же согласился – из интереса.

Кирилл учился в МГУ на филологическом, правда, смог поступить лишь на отделение фольклора, мешало ему не очень правильное происхождение, как говорили когда-то – «из бывших». Перспектива мотаться после института по экспедициям, собирая умирающие пословицы и поговорки бесчисленных народов СССР, как и идти протирать пыль в музеях, его не устраивала. Кира любил все живое и настоящее: девушек, своих друзей, книги, которые поглощал без счета, стихи, знал про все важное, что происходило в театрах, не пропускал ни одной выставки, благо в Москве все очень быстро менялось – случалось то, о чем вчера и подумать было нельзя. Он был легкий и относился ко всему легко. За это его и любили.

Согласился Кира на предложение по очень простой причине – тут было тоже настоящее. Он много читал про декабристов и считал, что новая жизнь должна быть разнообразной, духовной и честной. В его роду все сплошь были интеллигентами, и Кира не сомневался в том, что его дореволюционные прадедушки и прабабушки, живи они в сегодняшней Москве, спокойно могли бы сочетать свою строгую мораль с советскими законами. Не вызывала сомнения главная мысль Эренбурга в его недавно вышедших воспоминаниях – будущее, конечно, принадлежит Советскому Союзу.

* * *

Филиппыч смотрел на них весело – казалось, он поведет их сейчас в турпоход.

– У нас тут впервые такое творится. Мало того что с улицы набрали, да еще и сами по себе будете вариться. Курировать и направлять вас буду я, как непосредственный начальник. Но дел у меня и без вас хватает, поэтому запущу вас в автономку, а потом буду выдергивать периодически и снимать показания...

Он быстро спросил:

– Итак, кто вы? И чем, как вы думаете, будете заниматься?

– Ну, может быть, обрабатывать и анализировать научную информацию в открытых зарубежных источниках? – после некоторой паузы предположил Антон.

Филиппыч улыбнулся:

– Холодно.

– Внедрять научную организацию труда?

Филиппыч покачал головой:

– Вы называетесь «Группа по анекдотам».

– По анекдотам? Мы что, с анекдотчиками будем работать? Ловить и в тюрьму сажать? – В голосе Антона зазвучало разочарование.

– Работать – да. Но ловить их и сажать не будете. Наоборот. Будете целыми днями для них анекдоты придумывать.

«Турпоход, похоже, начинается», – подумал Петя.

– А зачем им придумывать-то? Они что, сами не справляются? Да и вообще, какой в анекдотах смысл?

– Смысл есть, мои дорогие. *Одна веселая шутка может опрокинуть трон и низвергнуть богов.* Не я сказал. Анатолий Франс. Так, понятно. А что вы вообще знаете про анекдоты?

– А зачем про них что-то знать? Важно их просто знать, – пожал плечами Петя. – И зачем их еще придумывать-то? Их и так столько стало в последнее время... Что ни случись – сразу лавина...

– Если я правильно помню, функций у анекдотов несколько, – вступил в разговор Кирилл. – Главная – смягчать или усиливать агрессию. Можно успокоить, а можно и наоборот. Далее – уравнивание. Тот, кто внизу, смеется над своим начальством, делая его себе равным. Есть и сигнальная функция, здесь, как я понимаю, и работают политические анекдоты и юмор. По ним сразу видно, популярный политик или у него проблемы.

– Черчилль пошутить любил. И Линкольн, – добавил Антон.

– Но это на Западе. А азиатские правители не терпят подобных вольностей. Им все равно, над ними смеются или они сами, важно, что их при этом могут перестать уважать, а главное – бояться.

– Мы опять где-то посередине, – заключил Петя.

– Анекдоты – это еще и защитный клапан в паровом котле. Если для пара нет других выходов – все идет туда, – продолжал Кирилл. – Если об этом можно свободно говорить на радио или трубить на каждом углу, анекдоты не появятся.

– Геббельс поощрял политические анекдоты, – вдруг сказал Антон. – Хотя иногда сажал за них для отвода глаз.

Все замолчали.

– Я думаю, у нас есть еще одна причина для анекдотов, – сказал Филиппыч. – В нашей советской системе полно недостатков. И это для всех очевидно.

Петя подумал, что как-то странно у него начинается первый рабочий день в органах.

– И об этих недостатках с некоторых пор все спокойно говорят. Иногда серьезно, но чаще смеясь над всеми нашими нелепостями и уродствами. При этом оставаясь вполне лояльными гражданами. Анекдоты – это не просто про пошутить. Это по сути единственная возможность сформулировать и передать другим свои оценки и наблюдения. Раньше как было? Больше трех не собираться. Каждый третий стучал. Компании в Москве были герметичны, максимум две-три семьи, пара друзей, все боялись. А сейчас? Придешь к кому-нибудь, а там человек сорок в квартире, все на головах друг у друга стоят. Всем весело, все счастливы. Хочется улыбаться. И шутить. И противостоять очень глупому и назойливому вмешательству государства в твою частную жизнь...

Все трое смотрели на Филиппыча зачарованно.

– Идеальная среда для того, чтобы анекдот, как вирус, разлетелся по стране! Но есть еще одна, самая важная причина, почему у нас в стране анекдот может мгновенно сразить сотню миллионов людей... – Филиппыч сделал эффектную паузу.

– У нас одна программа телевидения, – догадался Петя. – Вернее, две, но это неважно. Филиппыч кивнул:

– Верно. У нас общее поле общения. Все одновременно видят одну и ту же передачу, один и тот же фильм. И одновременно это проживают и обсуждают. А когда люди смотрят пятьдесят разных программ, то общего становится в пятьдесят раз меньше. Поэтому при желании с нами очень легко работать: вбросил что нужно, и страна в коме. Так они и делают.

– Кто? – не понял Петя.

– Тарапунька и Штепсель. – Филиппыч весело посмотрел на них. – Будем с ними бороться.

* * *

Филиппыч положил перед ними небольшую папку:

– Это все дело рук веселых ребят с прекрасным русским языком. Сидят себе в Лэнгли, анекдоты сочиняют. Часто, правда, халтурят, перелицовывают на новый лад то, что ходило лет тридцать – сорок назад. Есть в анекдотах тоже вечные сюжеты. Они у них иногда смешные получаются, иногда нет, но всегда злые. Посмотрите.

Петя открыл наугад и вслух прочитал:

– *Дал Хрущев указание выпустить почтовую марку со своим изображением. Через некоторое время запрашивает Министерство связи, пользуются ли советские граждане этой маркой. «Совсем не берут», – был ответ. «А почему же?» – «Говорят, что не приклеивается». – «Почему же не приклеивается?» – «Видимо, плюют не на ту сторону».*

– И что они с ними делают? – не понял Петя.

– Скажи мне, что бы ты делал, если бы рядом был злодей, который хотел тебя убить?

– Я попытался бы его убить первым, – опередил Петю Антон.

– Хорошо, а если у вас силы равны и тебе он не по зубам?

– Ну, я бы дождался, пока он спать ляжет, и все равно бы убил.

Филиппыч улыбнулся:

– Бессонница у него.

– Тогда я напоил бы его и попытался внушить, что я его друг. Ввести в заблуждение.

– Морально разложить. – предложил Кира.

– Это как? – не понял Филиппыч.

– Ну, чтобы он силу потерял и не смог бороться.

– Отлично. Теперь представьте себя на месте некоего человека из-за океана, проклятого империалиста, который страшно нас боится, но подделать уже ничего не может – у нас ракеты стоят на боевом дежурстве. Путь у него теперь один – всеми силами пытаться нас ослабить. Разрушить изнутри. Но как? Как влиять на людей в чужой стране, не имея доступов к средствам массовой информации? Ходы есть. И анекдоты в том числе. Эти ребята не только анекдоты сочиняют, в основном слухи. А потом все это оказывается здесь, и по специальной, совсем нехитрой методике производится «посев» в питательной среде. А это, – Филиппыч положил на стол другую папку, – то, что в итоге появляется здесь. Большая часть – местный самосев, но есть то, что привито оттуда и неплохо взошло. В общем, суть вопроса в том, чтобы все это анализировать – внешние агентурные данные, то, что имеем на входе, и все, что мы собираем здесь. Сравнивать, делать выводы. Знаете, как большие лесные пожары тушат?

– Встречный огонь пускают, – сказал Антон.

– Вот вам и нужно будет пускать встречный огонь. Придумывать анекдоты, в том числе встраиваемые в зарубежные схемы, но уводящие в сторону, не опасную для нашей системы.

– У анекдота не может быть положительных образов, – возразил Кира. – Он не на то настроен. В нем образы отрицательные или комические.

– Главное, не страшные, – улыбнулся Филиппыч. – Ты мне сам тут лекцию прочитал, либо смягчать, либо усиливать. Нужно смягчать, пар выпускать. Работать по принципу реверсирования – из минуса в плюс. Но это должны быть очень смешные анекдоты.

Филиппыч окинул их взглядом.

– Как вы думаете, по какому принципу я вас сюда подбирал?

Они посмотрели друг на друга и, кажется, начали что-то понимать.

– Ясно, что у вас анкета в порядке. Ясно, что вы лучшие были там, у себя. Аналитический ум и прочее. Как вас проверяли-перепроверяли, вам лучше и не знать. Но главным было то, что у нас появился запрос на специфических специалистов, которые мертвого смогут рассмешить. Придумать такое, что на цитаты растащат. Вот вы такими и оказались. Эстрадная студия, СТЭМ, капустники... А некоторые своими шутками всю Бауманку в тонусе держали.

Все засмеялись.

– Вот вы засмеялись, ваш смех добрый. Потому что высмеетесь вместе. Поодиночке каждый из вас может и усмехнуться, и ухмыльнуться, и злобно похихикать. Но когда смех коллективен – работают иные законы. Все превращаются в соучастников. Единоверцев. Повсеместный смех – стихия! Смех становится способом жизни, философией и даже формирует мировоззрение. – Филиппыч на секунду задумался. – Скажу больше, в наше время смех становится синонимом правды. Смех – это про свободу. Он убивает все зажатое и неподвижное. Хватит уже – пора двигаться вперед!

«Как же мне повезло», – вдруг подумал Петя.

Филиппыч походил по комнате.

– Ну ладно, пора переходить к делу. Было принято решение, в структуре нашей службы «А», отдела, работающего в том числе и со слухами, организовать небольшую группу по анекдотам. Не сказать, что я эту идею сильно приветствую, но ветры дуют, что толку против них становиться? Приступайте.

* * *

Разобрались во всем быстро, включили свои молодые и жадные мозги, и скоро стало ясно, по какому принципу работают их зарубежные коллеги, какие темы выбирают и почему, как видоизменяются вброшенные анекдоты, что в них оживает и расцветает. Но самое интересное было понимать, по какой причине некоторые из анекдотов не приживаются, почему на них нет никакой реакции, почему они не цепляют и тихо гибнут. Ребята, работающие с внутренней агентурой, справлялись с задачей хорошо, казалось, нет такого анекдота, рассказанного в стране, который прошел бы мимо их расставленных сетей. От зарубежных агентов все приходило с опозданием, бывало так, что только порадуешься какой-нибудь свежей теме и даже ощутишь гордость за страну, как на тебе, опять корни отыскиваются все там же. Со временем они научились безошибочно определять, свой это анекдот или засланный. Так, наверное, опытные радисты могут отличать своих коллег по почерку.

Еженедельно они готовили на самый верх «объективку», аналитическую записку, по сути – сводку по анекдотам. Хрущев был жаден до любой информации, а тут самая что ни на есть живая обратная связь. Что думает страна, как отвечает на каждый его шаг? Анекдоты подбирали самые острые, не стесняясь. Хрущев их читал и не обижался.

Недавно, когда председатель Комитета Шелепин ушел на повышение в ЦК и его место занял Семичастный, тоже из комсомольской колоды, разразился скандал.

В какой-то момент Филиппыч попросил анекдоты фильтровать и выбирать для сводки помягче. Недели не прошло, как Семичастного вызвал на ковер «железный Шурик»: «Ты чего творишь? Давай-ка бери только самые злые анекдоты где Никиту матом ругают, бери газеты с выколотыми глазами, и неси ему на доклад. Он всегда просил меня приносить только это и вслух читать».

Все вернули назад.

* * *

Освоившись, они окинули взглядом все вокруг, где существовал или должен был существовать юмор: фильмы – пришлось смотреть их помногу и не всегда с удовольствием; спектакли, тут Петя для себя словно другую планету открыл; читать журналы, в первую очередь «Крокодил», слушать радио, знать все нужные телепередачи. Свои наблюдения они записывали, обсуждали, систематизировали. Довольно скоро стало понятно, что дела почти везде плохи, и они пошли к Филиппычу на разговор. Доложили все подробно, в выражениях не стеснялись, сказали, что всюду мертвечина и застой, никакого движения вперед, живым смехом и не пахнет. Какая там свобода? Какая стихия? Полный штиль. Особенно досталось телевидению, а от Пети персонально – киножурналам и концертам классической музыки, он понимал, что не прав, но сдержаться не мог.

Филиппыч смотрел на них и только улыбался.

* * *

В какой-то момент Петя наконец понял, почему он до этого времени не встретил ни одного человека, который придумал хотя бы один анекдот. Артистов знаменитых видел, один раз даже встретил Германа Титова на вокзале. А того, кто хотя бы один анекдот сочинил, ни разу. Ну, вернее, встречались личности в институте, которые говорили, что придумали анекдоты, и рассказывали их, но все они были несмешные.

Петя почувствовал, как анекдот становится анекдотом. Как кусок скалы с острыми краями веками шлифует море, так какую-то тему начинает мять коллективный гений, история или мысль передается от человека к человеку, становится все ярче, точнее и в какой-то момент фиксируется в своем совершенстве. Все это было очень легко и интересно наблюдать, просматривая ежедневные сводки «с полей».

По большому счету у анекдотов не было авторов, ими становились и второй, и третий, и четвертый рассказчики.

На это и нужно было рассчитывать, сочиняя. Важно было дать какую-то очень живучую тему или нарисовать парадоксальную ситуацию, неожиданную и противоречивую, и просто отпустить.

* * *

Кира почти сразу же раскопал историю о похожем опыте и принес ее Филиппычу.

Рассказ Киры о народных сказителях, их «кураторах» и о похождениях достойных людей, которые в итоге так никого и не заинтересовали.

В 30-е годы, по инициативе крупного советского ученого Юрия Соколова, был поставлен эксперимент по производству «нового советского фольклора». Задача была сформули-

рована так: «кулацкое» народное творчество должно быть заменено устным творчеством трудовых масс.

Разыскивали талантливых рассказчиков, сказителей, исполнителей былин, к ним командировывался «куратор» – либо первоклассный журналист, либо литератор, либо даже ученый, чтобы направлять куда нужно, давать «правильную тему», скажем, не об Илье Муромце, а о Фрунзе.

Сказители очень старались, описывали похождения достойных людей вполне искренне и с воодушевлением. Но получалось неинтересно. Их творения записывались, публиковались, но дальше не шли. Народной традиции власть не указ, что хотим, рассказываем, о чем хотим – молчим.

Филиппыч на Кирину историю только рукой махнул – у нас все будет по-другому.

* * *

Сказать, что у них сразу стало все получаться, было бы большим преувеличением. Придумывать анекдоты на заказ оказалось делом трудным и неблагодарным, почти глупым. Как ловить вдохновение, сидя на стуле в кабинете с девяти до пяти? Бывали моменты, когда зацеплялось, бывали абсолютно пустые дни. Они никак не могли подобраться к тому, чтобы хоть как-то свой творческий процесс организовать и взять под контроль, научиться его стимулировать. А главное, они до конца не понимали – возможно ли это?

От них ждали результатов, платили хорошую зарплату, они понимали всю важность задачи. Но твердо обещать, да еще к какому-нибудь сроку, определенное количество нужных и смешных анекдотов не могли.

Филиппыч их терпел и прикрывал, эксперимент продолжался. В какой-то момент он плюнул и прислал им консультанта, специалиста по чувству юмора.

* * *

Фамилия у него была странная: Лук.

Это был бывший офицер, невропатолог, работающий в киевском Институте кибернетики. В последнее время ученые всего мира всерьез задумались над тем, как приблизить мышление разумной машины к человеческому. И стало очевидно, что человеческий мозг, обрабатывая информацию, одновременно обрабатывает эмоции и чувства. Причем они не искажают мышление – для нас это обычное, нормальное явление, – они просто включают внутри разнообразные режимы обработки, иногда аварийные. Знаменитый врач, академик Амосов, выдвинул гипотезу о том, что обработка информации в человеческом мозге осуществляется как взаимодействие двух программ – интеллектуальной и эмоциональной. Поэтому было решено, что создание модели такого взаимодействия и есть актуальная биокрибернетическая задача в СССР.

Потребовались специалисты по чувствам, и тогда кибернетики призвали невропатологов.

* * *

– Итак, как строится анекдот? – Лук подошел к самому главному в своей заключительной лекции. – После короткого вступления идет финальная мысль, и, чтобы ее понять, требуется некоторое усилие, умственная работа. Если мысль эта станет сразу же ясна или, напротив, мы слишком долго будем до нее добираться, то эффект от анекдота ослабеет, а иногда и

вовсе улетучится. Важна пропорция. Золотое сечение. Сила анекдота именно в нем. И когда он шлифуется многократным повторением и толкованием из уст в уста, эта пропорция рано или поздно находится. Одну и ту же историю можно рассказать тысячью разных способов. Но история становится настоящим анекдотом только в определенный момент, когда золотое сечение найдено. Понятно вам?

Все было понятно.

– И еще. Как-то Марк Твен путешествовал по Европе и читал со сцены свои смешные истории. В какой-то момент он заметил, что один и тот же рассказ иногда вызывал гомерический хохот, иногда просто вялые улыбки, а иногда реакции и вовсе не было. Оказалось, что все зависит от того, какую паузу он выдерживал перед последней фразой рассказа. Если он угадывал ее точно, все оглушительно смеялись. Если чуть-чуть не додерживал – то смех был так себе. А если пауза оказывалась хоть немного длиннее – никто не смеялся, эффект пропадал. Итак, золотое сечение и пауза, то есть воздух. Анекдот жив, пока он дышит. Его нельзя сочинить, и бессмысленно его записывать. Он живет здесь и сейчас. – Лук что-то достал из портфеля. – На прощание вам от меня подарок. В мире так все сейчас переплетено, происходит непрерывное движение и борьба. Вы, как я понимаю, на переднем крае. Повесьте на стене, пусть это будет вашим девизом.

Лук развернул полоску ватмана.

«Важно, на чьей стороне смеющиеся».

Глава 3

Ихтиандр всем понравился, а девушек так просто покори́л. Катя рассказала, что артист на съемках едва не утонул: что-то у него там случилось под водой.

– Вот бы тебе такого мужа, да? – спросил Антон Веру.

Он был немного не в себе, вчера весь вечер выпивал с будущим тестем, а тот, видимо, его проверял на прочность.

– И что бы я с ним делала?

– Ну, держала бы в ванне, ложилась к нему, когда хотела. Красота – под ногами не путается, вопросов лишних не задает, нем и печален, как рыба. Кидала бы ему кильки в воду по утрам. По праздникам сома запускала.

– А зарплату он мне из жабр будет доставать?

– Устроишь его в уголок Дурова, тут два шага, добежит, ничего. Будет на шее обруч крутить.

Петя представил себе Антона в блестящем костюме, больших очках и с острым плавником.

П: Пришел с похмелья мужик в туалет, обнял унитаз и зовет: «Ихтиандр, Ихтиандр!»

Кира немного подумал, превратился в человека-рыбу и печально вынырнул из белой чаши.

К: Чего тебе?

А: Я поесть тебе принес. Бэээ!

– Какие дураки! – покачала Вера головой. – Ведь взрослые уже, а такая дурь в голове!

– Верунчик... Мы занимаемся делом государственной важности.

– Хватит трепать языком, надоело уже это слушать. Найди себе дуру и рассказывай ей сказки. Так, предлагаю всем по домам, мне завтра вставать в шесть. Кирилл сегодня свободен, Антон провожает меня. Петя, ты отвечаешь за Катю.

* * *

Пете, конечно было странно немного и неудобно. Антон весь вечер держался с Катей как ни в чем не бывало, а она лишь иногда поглядывала на них с Верой. Белка идти в кино наотрез отказалась, по какой причине – непонятно. Кира, узнав об этом, только улыбнулся.

Шли пешком по Сретенке, идти было совсем недалеко.

– А как ты платья свои придумываешь? – спросил Петя и застеснялся, поняв, что мысль его сразу увела куда-то не туда.

– Я просто сижу и вдруг его вижу. Запоминаю, иногда рисую. Мне даже во сне один раз оно приснилось, так я его запомнила.

– Счастливая.

– Я? – Катя на него удивленно посмотрела.

– Ну да. Так легко все получается.

– Если бы все.

Катя держала Петю под руку, от нее шло тепло, и ему вдруг стало очень спокойно. Она будет моей, вдруг подумал он. И даже головой замотал.

– Ты чего? – засмеялась она.

– Пытаюсь тебя разгадать.

– Ничего у тебя не получится.

Встали у светофора, на Садовом долго горел красный.

– Представляю, что ты там про меня думаешь, – сказала она. – Что бы у тебя там в голове ни было, все равно все не так.

– А ты с Антоном... встречаешься?

– Конечно нет. Я с Верой встречаюсь, – улыбнулась она. – Она человек в моей жизни важный.

– Подруги?

– Да никакие мы не подруги. Сильная она. И помогает мне. Вот с комнатой этой... Знаешь, кто у нее отец?

– Нет.

– На самом верху. Может, скоро его портрет на демонстрации понесешь.

Некоторое время шли молча.

– Знаешь, – сказал вдруг Петя, – а я иногда считываю судьбы людей. Как-то раз сидел вечером на лавочке, а мимо меня люди шли. Просто сидел. Солнце почти зашло. Ласточки летают. Я на кого-то вдруг посмотрел и все про него понял – что у него было, что будет. За секунду, и не словами, а так, будто знание вошло. Сидел и смотрел – и про каждого понимал. Потом вдруг раз – и выключилось. Теперь бывает такое, но редко. Чаще, когда я смотрю на прохожих или на людей в метро, я в них детей вижу.

– Детей?

– Ну да. Знаешь, когда у меня самые плохие дни? Когда я вдруг начинаю некрасивых людей встречать. Иду, и на каждом шагу – бац – все некрасивые. Я тогда просто останавливаюсь.

– И что?

– Прихожу в себя.

– Помогает?

– Да.

У подъезда Катя внимательно на него посмотрела:

– Позвони мне.

Глава 4

Петя встретился с Мухиным на Неглинке, у музыкального магазина, где после пяти работала стихийная биржа. Музыкантов нанимали на вечернюю работу, в основном для танцев, тут формировались «бригады» и разъезжались по точкам.

У московских музыкантов было два пути: в Мосэстраду или в МОМА. Первые обслуживали концерты, в основном сборные, аккомпанируя певцам и певицам разной степени известности, иногда выходя на сцену по пять раз в день и бесконечно перемещаясь с площадки на площадку. Вторые играли только в ресторанах, ставки были мизерные, зато существовал «парнос» – песни на заказ. Еще была элита – оркестры радио и телевидения, но там окопались небожители и никого не подпускали.

На биржу попадали неприкаянные или такие, как Мухин: у кого был свободный для работы вечер.

Мухин третий год играл с Капитолиной Лазаренко, та была настоящая прима – высокая, красивая, с голосом в три октавы. Про нее упорно ходили слухи, что она любовница Хрущева, но Мухин сразу объяснил Пете, что все это полная ерунда. Жила она с Выставкиным, аккордеонистом-виртуозом, руководителем ее квартета. Работа у Капы была непыльная, с одиннадцати до трех репетиция, потом обедали в пельменной на Кропоткинской, брали бутылочку. Вечером концерт или свои дела.

* * *

На бирже появились очередные «покупатели», и сразу произошло оживление. Мухин рассказал, как тут все работало: профсоюз собирал деньги и посылал сюда гонца – «набрать оркестрик». Тот выбирал главного музыканта, а он уж подыскивал остальных. Платили неплохо, по пятьдесят рублей за вечер. Это при том, что Пете после института в месяц положили сто тридцать.

– Мухин, да ты богач, наверное.

– Я тут уж лет десять, как на особом положении. Спрос на меня.

– Играешь хорошо?

Мухин улыбнулся:

– И это тоже. У меня американская техника, с большим пальцем играю. Но не в этом дело.

– А в чем тогда?

– Ты знаешь, что перед тобой первый электрогитарист в СССР?

– Ты?

– Так получилось.

– Расскажи.

– Да чего рассказывать... Дома был приемник ламповый, ловил «Голос Америки», очень нравились передачи Уиллиса Коновера. Однажды услышал электрогитару, и все. Накрыло. Играл Лес Пол, причем играл сам с собой.

– Это как?

– Ну он сначала записывал одну гитару, потом другую, и так сколько хочешь. Играл почти за весь оркестр. Я тоже так научился. Стал свои вещи записывать – дома, на магнитофон. Сейчас много на радио работаю, в прошлом году своей редакторше, Ане Качаловой, говорю – хочешь один, без всяких нот, запишу все что угодно. Она мне – такого не может быть. А я – давай попробуем. Сыграл свою вещь, «Первые шаги», на четырех гитарах, потом «Клен ты мой опавший» на шести. Она обалдела, не знала, что так можно. Да я и сам обал-

дел. А писал-то на два мономагнитофона, запишу на один и играю вместе с ним, записываю уже на второй. Потом уже со вторым пишу на первый, ну и так далее. Метод «пинг-понг», американский. Вообще-то я сам до него додумался. Потом Качалова мои «Первые шаги» взяла заставкой к «Доброму утру».

– Так это ты играешь?

– Ну и что? Жизнь моя не изменилась, но просыпаться приятно.

– Теперь понятно, почему тут на тебя спрос.

– Да нет, ты слушай дальше. Заболел я, значит, электрогитарой, а сам играю пока на простой семиструнке, старинной, цыганской, мне ее тетка в детстве подарила. Туберкулез у нее был, пришел ее навестить, а она сидит, играет на гитаре, говорит: «Давай я тебя немножко научу». А потом умерла через месяц. Дальше уже сам все осваивал, на слух. Ну так вот, принес я гитару в школу, на перемене открыли радиорубку, поставили микрофон, и я на всю школу концерт дал. Два радиста в рубке, они помладше меня на два класса учились, потом не отходили от меня несколько дней, а я им говорю: сможете из нее электрогитару сделать? А они головастые такие, у одного отец профессор-гидравлик какой-то знаменитый, у другого физик, ну ты их сам знаешь – Эдик с Антоном.

–??

– Ну так вот, они мне важно так говорят – задумка реальна, только нужны магнитно-индукционные катушки. Я сломал четыре телефонные трубки, специально в Марьину Рощу ездил, чтобы у своего дома автоматы не портить. Все что нужно им принес, они это поставили под деку, где кобылка, под каждую струну, всего семь штук катушек, вывели провода на обечайку и взяли вилку от утюга. Теперь нужен был усилитель. Я им принес патефон на 4 лампах, там стоял хороший динамик. Замазал гитару черной краской, чтоб была ни на что не похожа. Сначала она, конечно, звучала как медный таз, а потом они поковырялись, добавили еще конденсаторов, и через месяц звук пошел. Поставили у Антона все это в квартире, динамик на подоконник, и я стал играть, что умел, а народ внизу танцевал. А потом был Воронок.

– Тебя посадили?

– Да нет! – В лице Пети Мухин обрел идеального слушателя. – Это танцплощадка, километров сорок по Ленинградке. Заасфальтированный пятачок, ракушка. Я там даже пел иногда, «Тиху воду» или «Пчелу», народу нравилось. За это полагалась премия – стакан водки и кружка пива. А вообще деньги были приличные. Накопил за три года на фирменный инструмент и кооператив. И все из-за электрогитары.

– Модный звук?

– Да моды-то еще никакой не было. Просто оказалось очень практично. Вот смотри, по какому принципу тут музыкантов набирают. Что такое состав для танцев? В первую очередь контрабас, без него не качнешь, а настоящих умельцев всего десяток на всю Москву, их разбирают в первую очередь. Барабаны, они теперь тоже обязательны. Саксофон, лучше альт. Если нет саксофона – берут трубу, или тромбон. И самое главное, кто-то должен играть гармонию. Хорошо, если на точке есть рояль, но такое редко бывает. Тогда берут аккордеон, что хуже.

– Или баян?

– Нет, Петя, баян не пойдет, – покачал головой Мухин. – Скажут – приехали Ваньки в валенках. Понимаешь, довольно быстро жучки эти, которые составы формируют, поняли, что я со своей электрогитарой им нужен позарез – могу заменить и рояль, и аккордеон, играть гармонию аккордами или солировать, если нужно. Мой усилитель-патефон звучал громко, на простых гитарах за мной было не угнаться. Я стал востребован, на меня приходили смотреть как на диковину. Так что я давно уже сам выбираю.

К Мухину наконец подошли, сказали, что пора. Дали адрес, Пете он был хорошо знаком. Поймали такси, по дороге заехали за гитарой, усилитель погрузили в багажник, а инструмент взяли с собой, на колени.

– Ты хоть знаешь, сколько гитара моя стоит?

– Рублей пятьсот?

Мухин улыбнулся:

– Как новая «Волга».

Он расстегнул и приоткрыл чехол. Гитара была белоснежная, но при этом в ней угадывалось что-то морское.

– «Framus». Американец. Купил четыре года назад на фестивале. Помнишь, на Пушкинской помост стоял? Там в первый день одни иностранцы выступали. Вышел квинтет из США, а у гитариста – вот этот самый «Framus». Я к нему потом подошел, предложил купить. – Мухин перешел на шепот, хотя в такси работал приемник. – Сторговались за тысячу долларов. Фирмач сказал, чтобы я приходил к нему в номер в «Метрополь», после того как пройдут концерты. И вот через неделю я пришел, уже купил доллары.

Пете казалось, что Мухин шепчет очень уж громко.

– Вошел с деньгами, а вышел с гитарой, усилителем и этим шикарным чехлом. Видишь – болонья, а внутри поролон. Даже в долги не влез, копил на квартиру и особо ни на что не тратил. Так, семье помогал, выпивал понемножку. А кооператив я купил в прошлом году, когда женился.

– А страшно не было? Это ведь статья.

– Ну тогда еще не расстрельная. Это, видишь, в прошлом году все так повернулось... А тогда я спокойно купил валюту у барыги по рекомендации. Видимо, фамилия, кто рекомендовал, была хорошей, – Мухин подмигнул, – не обманули. И в гостинице никто меня не остановил, проскочил. Может, за иностранца приняли.

* * *

Подъехали по адресу, это был Институт связи, в двух шагах от Петиного Энергетического. Он, кстати, сначала сюда хотел поступать, специальности хорошие, конкурс меньше, а девушек больше, да и к дому ближе. Пусть на двести метров, но ближе. Пришел сдавать документы и вышел почти сразу – так по всему институту пахло туалетом.

Поднялись на второй этаж по широкой деревянной лестнице, это был «филодром», большое пространство, где обычно происходила основная жизнь у связистов, другие музыканты их там уже ждали. Подошел шустрый малый, сказал, что все как всегда: играть с девяти до полдвенадцатого, с двумя антрактами, деньги в конце.

Потихоньку подтянулись студенты. Ровно в девять тромбонист дал команду, и зазвучал «Вальс погасших свечей» из фильма «Мост Ватерлоо», традиционное начало всех танцевальных вечеров. Тут же, для разгона, музыканты сыграли бодрую «Чу-Чу», и пошло-поехало. Выступали квартетом, тромбон вел, иногда Мухин переходил на соло. Играл он здорово. Студенты старались взять от вечера по полной, никто не отсиживался, но и пьяных не было. Связисты славились своим весельем, рядом с парадной дверью на стене с незапамятных времен был нацарапан их лозунг: «За связь без брака».

Девушка, которую Петя пригласил на медленный танец, рассказала, что у них сорвался новогодний вечер, но студенты подняли бунт и выбили разрешение у ректора провести танцы сегодня, уже в сессию.

Они отошли в сторону, а потом как-то незаметно оказались на пятом этаже, в аудитории прямо над входом. Музыку хорошо было слышно, в окна напротив смотрел родной Энергетический. Петя ее поцеловал, она не сопротивлялась, через какое-то время показала на стул.

- Ты что? – спросил Петя.
- Можешь закрыть на него дверь.
- В институте по-прежнему нестерпимо пахло туалетом.

* * *

Ровно в половину двенадцатого включили яркий свет, танцы закончились, все стали расходиться. К музыкантам подошел распорядитель и раздал деньги.

Идти Пете нужно было через мост, к троллейбусу. По дороге он набрал из автомата Кате. Никто не брал трубку.

Глава 5

В марте их вызвал Филиппыч, выглядел он устало и был краток.

– В январе 64-го будет большой посев. Тема – Ленин. Задача – понизить градус. Понятно?

– Не совсем, – признался Петя.

– Да все ясно, – сразу включился Антон. – Под сорокалетие со дня смерти Ленина нам вбросят крупную партию анекдотов, чтобы сбить пафос события. Наверняка к этому моменту у нас выйдет много разных фильмов и передач. Информационное поле мы сами подогреем. Вот они и начнут вбрасывать всякую дрянь.

– Все верно, – кивнул Филиппыч. – Задача у них простая: сделать из героев настоящих героев опереточных. Увести их в пошлость и бытовуху.

– А в чем тогда наша роль? – уточнил Антон.

– Вы должны играть на этом же поле – Ленин, герои революции. И что самое страшное – придумывать про них анекдоты. Смешные. Но со знаком плюс. И градус не понижать.

«Поди туда, не знаю куда», – подумал Петя.

– Хотите почитать? – Филиппыч протянул им тонкую папку. – Недалеко двинулись, но времени у них еще вагон.

* * *

Женщины в пирожковой напоминали фей-тружениц, пусть немолодых, но очень добрых. У каждой на голове была накрахмаленная марля причудливой формы, причем эти формы не повторялись. За марлей угадывался силуэт сложной прически – «халы» или «бабетты».

Сегодня удалось отхватить еще и жареных пирожков с повидлом, обычно они быстро заканчивались.

– Я считаю эту задачу бредовой, в ней нет логики. – Антон отодвинул пустую тарелку. – Любой анекдот понижает градус.

– Давайте-ка посмотрим, что нам Филиппыч дал, – предложил Петя.

Отец с сыном у Мавзолея. «Что это такое?» – «Это могила Ленина». – «А что такое Ленин?» – «Ленин – это наша могила».

– Каменный век, – фыркнул Антон.

Воспитательница, увидев перебежавшего дорогу зайца: «Кто это, дети?» Дети молчат. «Ну, о ком мы столько песенок пели?» Дети (хором): «Дедушка Ленин!»

– А мне этот нравится, – улыбнулся Кира.

«Мужики, я вчера в бане Ленина видел». – «Голого?» – «Ну а как еще в бане моются». – «И какой у него?» – «Да как у всех. Но как-то проще, человечней».

– И что, нам скатываться до этого уровня? Я ничего не понимаю, – сказал Петя.

– Мне кажется, перед нами нет задачи сделать Ленина героем анекдотов, – начал рассуждать Кира. – Это могут быть еще какие-нибудь герои революции.

– Но настоящих-то трогать нельзя. А ненастоящие никому не нужны.

– Пустить по ложному следу.

– Все очень туманно, Кира.

– И еще хорошо бы придумывать истории про одного персонажа. Серийный герой. Он потом сам на себя ситуации наводить начнет.

В пирожковой появился Мухин, его нейлоновый чехол сразу привлек внимание студентов. Одет он был, как всегда, франтово, причем на этот раз на нем были явно заграничные вещи. А еще у него почему-то были набиты каблуки.

Он передал Антону какой-то сверток:

– Все как она просила.

– Ну как ГДР?

– Да нормально. Домики и дворики – все аккуратненькое, в магазинах все разложено.

– Где играли?

– В основном по воинским частям. Каждый вечер – банкет. Вишневым вареньем спирт разведешь – и вперед.

– А в Берлине был?

– Был. Деревня-деревней. Стоит еще полуразрушенный. Ходили там пиво пить. Немцы на нас глазели, шнапсом угощали. Про войну – ни слова. Боятся.

– Что-нибудь привез?

– Да струны купил первым делом, сто комплектов. Мне же на гитаре всю жизнь играть. – Он достал из футляра пакет, на нем была нарисована золотая лисичка. – Еще себе шпалеру купил.

– Зачем тебе шпалера, Мухин? – удивился Кира.

– Дом холодный, пусть на стене висит. Еще купил бабушке подарок, привез, а она тут умерла... Хорошая была, добрая. Помню из бани придет, сядет с подругами своими, а я им четвертинку водки из магазина несу. Очень меня любила.

Мухин сходил за пирожками.

– А зачем каблуки-то набил? Чечетку теперь бьешь?

– Я и чечетку могу. Знаешь, кто у меня учителя были? Воры.

– Ты и в тюрьме сидел? – удивился Петя.

– Война только-только кончилась, во дворе компания появилась. Парни на рынках щипали, а девки краденое сбывали. Вечерами выпивали и пели, а я им подыгрывал. Так и выучил их песни – и воровские, и цыганские. Они между собой иногда по-цыгански говорили, хотя все русские были. В тюрьме, может, научились... Вот я с ними язык и освоил. Ну и чечетку.

– Ну а каблуки-то зачем набил?

– Да Капа попросила. Не нравлюсь я ей, у нее все высокие на сцене, и сама она будь здоров, а я один вот такой. Говорит мне: «Ты, Мухин, рост талантом перебил».

Антон развернул сверток. Там оказалась очень красивая ткань.

– А у нас с Верой, похоже, не получается с венчанием, – вдруг сказал он.

– Вы расстаетесь? Сдурел? – удивился Мухин.

– Да нет, просто в ЗАГСе распишемся. С этого года, оказывается, все записи из церковных книг регистрируются и отправляются по месту работы. Будут неприятности – и у нее, и у меня. Она злится, очень этого хотела.

Помолчали.

– А я у Гагарина на балконе спал, – задумчиво сказал Мухин.

– Ну вот, опять...

– Да он обыкновенный парень, какая мне разница, летал – не летал. – Мухин крутанул пустой стакан на столе. – Недавно позвали выступать в Звездный городок. Начало в девять вечера, речи сплошные, руководство Звездного, правительство – короче, бодяга, как обычно. Закончилось все часов в двенадцать. Капу в Москву на машине повезли, а мы с Выставкиным пошли к Гагарину домой: он пригласил. Ну, выпили еще, а у него квартира однокомнатная, он с женой, куда нам деваться-то? Мы на балкон, залезли в спальные мешки, хотя февраль, дубняк. Ну ничего, проспались, протрезвели. Утром он нас в Москву на своей «Волге» отвез.

– Эх, Мухин, сделать бы тебя героем анекдотов, – вздохнул Кира. – Жалко, ты в революцию не жил.

* * *

Прошел месяц.

Петя иногда встречался Катей, их друг к другу явно тянуло, вместе им было хорошо. Он не торопился в нее влюбляться, но их общение вошло у него в привычку и даже в потребность. Петя ей рассказывал свои новости, Катя все больше молчала, но ему казалось, что она его понимает. У нее явно была какая-то своя история, часть жизни, которую он не знал и куда она не хотела его пока пускать.

С текущими задачами «полосатики» справлялись, но новый проект никак не шел. Концы с концами не сходились. Пете герои-революционеры уже снились, дошло до того, что в троллейбусе ему стало интересней не читать «Советский спорт», а без конца разгдывать неподдающуюся головоломку, которая напоминала петлю Мёбиуса. Выигрывая в одном, неизбежно терялось в другом.

Чем больше они думали, тем дальше их относил от цели. Да еще и текучка никак не давала погрузиться на глубину. Давно исчезла легкость, ушел кураж, в конце концов их ежедневные совместные искания превратились в муку. Было ясно, что они зашли в тупик, выхода нет и не планируется. Нужно было найти мужество, пойти к Филиппычу и честно ему в этом признаться.

* * *

В конце концов он их вызвал сам. Сдаваться было страшно.

– Мы пока в работе, – честно сказал Антон.

– Когда будете готовы?

Антон бросил взгляд на товарищей:

– Нужен еще месяц.

Филиппыч покачал головой и посмотрел на них с сомнением:

– Ну что, будете яйца нести или пора под нож?

– Мы бы выбрали яйца, – сказал Кира, помолчав.

– Ну так несите. – Голос Филиппыча вдруг изменился, стал тихим и ровным. – Вы что, с пустыми руками ко мне пришли?

Непонятно, что произошло, но коленки стали ватными.

– Нам нужно кое-что доделать, – неожиданно сказал Антон. – Почти все готово. Просто не хотелось показывать полуфабрикат.

– Детский сад, – вздохнул Филиппыч. – Доделаете к понедельнику. Жду вас в двенадцать. Иначе пойдете к Николаю Николаевичу.

* * *

Белка достала пригласительные на выставку художников-модернистов, куда ломилась вся Москва. В газетах про нее не писали, поэтому ломились с удвоенной силой.

Все фойе Дома кино было забито модной публикой, пришло много знаменитостей, тут и там звучала иностранная речь.

– А когда-то тут был клуб каторжан, – задумчиво сказал Кира. – Дом каторги и ссылки.

– Интересно, зачем им клуб-то был нужен? – удивился Петя. – Опытом делиться?

Он посмотрел на нарядных людей вокруг и попытался представить себе, как это могло выглядеть. На мгновение все предстали перед ним в арестантских робах и колпаках в полоску.

– Тут и музей должен был быть. Планировалось воссоздать казематы Петропавловки и Шлиссельбурга. В тридцать пятом все свернули.

– Дурацкая идея. Зато теперь, я вижу, тут другой музей, – нахмурился Антон, оглядывая картины. – Казематы по кому-то явно плачут.

То, что висело на стенах, было действительно очень странным.

– Абстракционисты, – предупредила Белка. – Такого вы еще не видели.

Фамилии художников ни о чем Пете не говорили: Рябичев, Шорц, Жутовский... Но он сразу определил их в толпе, те держались особняком, многие были с бородами, длинными волосами, мрачные и молчаливые. Как ссыльнокаторжные.

Разошлись по выставке. Некоторые картины почему-то Петю не отпускали.

Сначала он простоял у «Портрета девушки», она явно с чем-то боролась в жизни и пока проигрывала. «Вольск» давил обреченностью и ужасом – пейзаж с бесконечной вереницей труб, затянутый желто-серой пылью. Даже «1917» тут был особенным: пугающим и непонятным. Петя сразу инстинктивно отошел от него, но потом вернулся и долго не мог уйти.

Через полчаса встретились в буфете. Антону все активно не понравилось, и в выражениях он не стеснялся. Он заметно нервничал, понедельник наступал послезавтра, и вместо того, чтобы попытаться хоть что-нибудь придумать для Филиппыча, они пошли черт-те куда смотреть эту мазню.

Вера стояла задумчивая – похоже, увиденное ее тоже не особо взволновало. Они что-то обсуждали с Катей, та была в новом платье, от которого окружающие мужчины впадали в легкое оцепенение.

Белка сновала между столиками, то и дело с кем-то здоровалась и очень живо общалась. Наконец она подошла и к ним, держа за руку какого-то молодого парня в дымчатых очках, по виду иностранца.

– Ну как вам?

– Интересно, – честно сказал Петя.

– Они все из студии Элика Билютина. Ужасно модные.

– И кто такой этот Элик? Имя какое-то странное, – недовольно сказал Антон. – Еврей, наверное?

– Итальянец, – успокоил его Кира.

– И что он тут делает?

– Его тут мама родила, Антоша. Сразу после революции. Его отец приехал сюда коммунизм строить, а влюбился в москвичку.

Белка взяла под руку своего иностранца и улыбнулась:

– Был Микелле Беллучи, а стал комиссаром Михаилом Билютиним. Но его быстро расстреляли, – вздохнула она. – Скупал реквизированные картины из дворцов. Правда, коллекцию не тронули, сыну все досталось.

– Неплохо, – сказал Антон. – Теперь понятно, как к нам этот Элик затесался.

– Он вообще-то воевал, – вдруг заговорил дымчатый очкарик. – У него легкое прострелено, и левую руку чуть не отняли. А рисовать он стал уже после войны. Полное имя – Элигий, в честь святого, покровителя художников.

Несостоявшийся иностранец с осуждением оглядел компанию и отошел к «ссылно-каторжным».

Белка посмотрела на часы:

– Ну все, уходим. А то не попадем никуда.

* * *

Очередь их не пустила. И Петя ее прекрасно понимал. Всякий раз, когда в это время он оказывался в начале улицы Горького, он видел толпу людей, часами ждущих открытия. Внутрь попадали только те, кто стоял самыми первыми.

У кафе «Молодежное» был особый статус. Его открыли прошлой осенью, в дни съезда, возможно даже, чтобы показать иностранным делегациям или журналистам – есть, мол, у нас и такое. Днем это было обычное кафе, с салатом, сосисками, пирожными «эклер» и сухим вином. Но вечерами оно превращалось в настоящий джазовый клуб.

Белка велела ждать ее в стороне, по-деловому подошла к витрине и постучала монеткой. Штора отворилась, кто-то стал делать ей какие-то знаки. Она кивнула и повела всех во двор, к служебному входу. Там их встретил худой парень, весь в черном, они куда-то пошли, сначала через кухню, где на них страшно ругались, потому что они были в пальто и шапках, а потом через подсобки попали прямо к гардеробу.

Помещение было длинным, как кишка, и не очень удобным, сидячих мест было совсем немного. Парень, которого звали Алекс, усадил их за «музыкальный» столик, стоящий в нише у окна.

Заказали мороженое и сухое вино – «Фетяску», на этикетке аист улетал куда-то вдаль с гроздью винограда в клюве.

– Красиво зашли, – улыбнулся Кира.

– Тут в основном свои. Члены Совета, друзья, весь наш актив, – пояснил Алекс. – Ну и, конечно, те, кто хоть раз здесь выступал. Но это и хорошо, лишних нет, публика подготовленная.

– Ну ладно мне рассказывать, – махнула рукой Белка, – тут полно «блатных». Кто достать что-то может или устроить. Нужные люди.

Все столики скоро заполнились, Алекс поднялся на сцену и взял саксофон. Появились другие музыканты, быстро настроились и заиграли.

Минут через сорок все пришло в движение, квартет ушел со сцены, там поставили маленький журнальный столик и микрофон. Все стали подсаживаться ближе, и началась «встреча с интересным человеком». Белка объяснила, что вообще-то главная задача – найти героя дня, человека известного, но сделать это бывает пока нелегко, и тогда «известного» меняют на «интересного».

Сегодня «интересным» оказался высокий сутулый парень, на нем была застегнутая белая рубашка без галстука и широкие нескладные брюки с узким ремнем. Он напоминал пятиклассника двухметрового роста и слегка заикался.

Стало интересно, что за чудика привели.

Парень начал рассказывать, что страна находится накануне невероятных событий. В последнее время все только и говорят об изобилии и как его достигнуть, потому что именно оно – плацдарм для построения научно-технической базы коммунизма. Достигнуть изобилия можно двумя способами – производить больше или производить меньше.

Тут все насторожились и перестали болтать.

Меньше, но эффективней использовать, пояснил он. Вырисовывалась какая-то удивительная картина: вместо того чтобы гнать план и возить продукцию туда-сюда через всю страну, нужно было производить в разы меньше, но только то, что требуется, и разумно этим распоряжаться. Что только у нас с плановой экономикой можно на редкость точно все рассчитать и оптимизировать, важно лишь очень тщательно загрузить на вход ЭВМ необходимые параметры, вернее, бесконечное множество меняющихся параметров, но для этого уже есть невероятная система линейного программирования, созданная нашим ученым Канторовичем еще до войны.

Говорил великан пятиклассник убедительно. Несмотря на скучную тему, постепенно все завелись и посыпались вопросы: про Канторовича, про наши новые ЭВМ, были и совсем специальные, которые Петя не понимал. Веру все это очень заинтересовало, после дискуссии она подошла к парню, и они долго о чем-то говорили.

На сцену вновь вышли музыканты и заиграли «джем», к ним то и дело подтягивались другие сидящие в зале, стало совсем уютно и просто. Начались танцы.

– Москву не узнать. – Пете все очень нравилось.

– Погоди, скоро вообще все будет так, как нужно, – сказала Вера, – когда всех этих маразматиков старых на пенсию отправят.

– Это кого? – не понял Петя.

– Того, кто в трухлявую идеологию вцепился и стране дышать не дает. Ни хлеб растить, ни людей красиво одевать, даже деньги считать и то не дает. Оставим все то же самое, только идеологию уберем – страну не узнаем.

– А мне и сейчас хорошо. – Белка доедала очередное мороженое. – Правда во ВГИКе у нас осталась парочка старых идиотов. Мне моя подруга постоянно рассказывает про Бабочкина, она с актерского, он там у них мастер. Самодур редкостный.

– Это кто Чапаева играл? – спросила Катя.

– Да он много кого играл, только все это ему на пользу явно не пошло. Ку-ку дядя. Все воют. Спасаются тем, что истории смешные про него придумывают.

– Про Бабочкина?

– Про Чапаева. Ну вернее, про Бабочкина-Чапаева.

Кира замер. Он даже слегка побледнел. Потом резко встал и пошел сквозь танцующих, прямо через весь зал, к выходу.

Все сидели, не понимая, в чем дело. Петя слегка отодвинул штору и посмотрел сквозь витрину – Кира уселся прямо на бордюр под деревом и качался из стороны в сторону.

– Он что, нервный? – удивилась Вера. – Или это его родственник?

– Кто? Чапаев?

* * *

Они расстались только часа в три ночи, ходили вдвоем по улице Горького вверх-вниз, иногда смеялись так, что приседали на корточки или прижимались к холодным цоколям послевоенных домов. Чапаев-Бабочкин оказался их долгожданным супергероем.

С одной стороны, это был настоящий, существующий герой-революционер, с другой – это был лишь персонаж фильма, вызывающий симпатию и улыбку. Над ним можно и нужно было смеяться. И смех этот мог быть бесконечным.

Петя уже исписал половину блокнота, а истории все шли и шли. Антон поворачивал их в свою сторону, Кира в другую, Петя кидал в топку все, что приходило в голову: сюжеты передач, героев мультфильмов, Гагарина с Титовым, кукурузу – Василий Иванович перемазывал все, все ему шло, все делало его героем. Смешным героем.

В какой-то момент он только потребовал Петьку.

И Анку.

* * *

К Филлипычу вошли молча и сели без приглашения.

– Мы его нашли.

– Кого?

Петя достал из кармана сложенный вчетверо листок из старого «Огонька» и развернул его перед Филиппычем.

– Только теперь нам будет нужен библиотечный день.

Глава 6

Ждали Мухина, он им строго-настрого приказал без него внутрь не входить. И когда наконец появился, стало понятно почему. Встретивший их узбек-метрлотель поклонился и поприветствовал:

– Юрий Николаевич пришел.

Отвели в отдельный кабинет. Мухин сел прямо на подушки, привычно скрестив ноги, всем остальным принесли маленькие табуретки. Заказали всевозможной еды и бутылку водки. Правил всем Мухин.

В «Узбекистане» Петя был впервые, хотя многое о нем слышал.

– Я вижу, вас все-таки выперли из чекистов, – с удовлетворением сказал Мухин. – Иначе что за посиделки в рабочее время?

– У нас теперь раз в неделю будет так, – объяснил Петя. – Называется библиотечный день. Думали про субботу, но там и так короткий день, поэтому выбрали четверг. Нужно только утром прийти в контору, посидеть до обеда, а потом свободны.

– Работы, что ли, не стало?

– Да нет, просто у нас специфика такая, некоторые вещи в кабинете с девяти до пяти не сделаешь. Мы должны просто куда-то ходить, получать впечатления, кое-что придумывать. Только все вместе.

Мухин недоверчиво на него посмотрел и разлил всем водки.

– Вот это только лишнее, – сказал Антон.

– Да брось ты, с такой едой выйдешь трезвее, чем зашел, – отмахнулся тот.

Петя попробовал шурпу, наваристого супа с картошкой и мясом, – было вкусно.

– Но мы и вправду будем ходить в библиотеки, – пояснил Кира. – У нас допуск теперь к таким материалам... Хочешь – любой западный журнал, даже за последний месяц, любая книга. Все архивы, ну, вернее, почти все – в нашем распоряжении.

– А я из Африки только что. – Мухину, как всегда, было чем крыть. – Работали по три песни в концерте. Одна из них неграм очень нравилась – про арбуз.

– Не слышал такой.

– Да слышал. «Россия, Россия – вольные края», помещному «рогия» – арбуз, вот все там и смеялись, перевода-то не было.

– А знаете, что такое по-турецки ням-ням? – Кира, похоже, слегка разомлел. – Так они лоно женское называют.

Под лагман выпили еще.

– Бедность там жуткая, а мы жили в шикарном отеле, халат меняли каждый день. У каждого свой номер с вы ходом на океан. Базары, развалы – там мы шмотки покупали, платили-то по семь долларов в день целый месяц. Купил себе кассетник. А вообще, я неопытный, потратил на всякое барахло, зонтики с кнопкой... Вот наш кларнетист взял там проигрыватель «Pioneer», а сюда приехал – сдал его и купил «Москвич», вот это я понимаю.

Принесли шашлык по-карски – здоровый кусок мяса с бараньими почками, разлили еще.

– Как-то нам дали суп из акульего плавника.

– Ну и как?

– Красивый, красного цвета, но на вкус не помню. После него – курицу-гриль каждому. Потом принесли чашку с золотой водой, Капа ее выпила, а оказалось, руки мыть, но ничего, обошлось. По вечерам складывались с акробатами, полтора доллара с носа, покупали литрушку джина, банку тоника и маринованные огурцы – закусывать.

– Я тебя не узнаю, Мухин. Ты же музыкант. А ты все про акробатов и акульки плавники нам рассказываешь.

– И про арбуз.

– Между прочим, я оттуда чемодан пластинок привез, – обиделся Мухин. – Все, о чем мечтал только: и Паркер, и Питерсон, и Джо Пасс. У меня, может, вообще новая жизнь началась. Целыми днями слушаю. Уволился я от Капы.

– Уволился? – удивились все.

– Все это надоело. Хочется музыкой заниматься серьезно. Впереди большой взлет.

– А на что жить-то будешь?

– Пока устроился к Бернесу.

Все замолчали.

– С ним интересно. Поедем с мая на все лето по стадионам, сборная программа «Товарищ кино».

Кира вдруг посмотрел на Мухина.

К: Направили как-то Чапаева в Африку для культурной помощи слаборазвитым странам. А в помощь ему дали Петьку.

Петя вздрогнул. Антон подхватил.

А: Приезжает комиссия ЦК проверять их работу, видят, вдоль реки Лимпопо Чапаев на коне скачет, бурка развевается, на канате негра на водных лыжах буксирует. Комиссия довольна, идут дальше.

П: Видят Петька запряг в плуг двух негров и пашет. «Как вам не стыдно! И это вы называете культурной помощью? Берите пример с товарища Чапаева, катающего негра!»

К: «Не, это Василий Иванович крокодила на живца ловит!»

Библиотечный день себя явно оправдывал.

* * *

К Чапаеву Филиппыч некоторое время примеривался, сомнение было лишь в одном – фильм старый, долгое время в кинотеатрах уже не шел, копии истрепались еще в войну. Кто его помнит? А для посева нужна мощная питательная среда, чтобы вся страна враз была пронизана какой-нибудь новой темой.

Но через какое-то время Филиппыч дал добро. Петя узнал позже, что картину начали восстанавливать на «Мосфильме», чтобы через год с большой помпой сделать всесоюзную премьеру.

А пока нужно было придумать сотни историй с любимым уже героем, проверять их временем и ситуациями, рассказывать вновь и вновь, тщательно фиксируя все эти устные варианты.

Петя скоро ощутил то, о чем когда-то говорил Лук. Информация – в данном случае это была смешная история – воспринималась каждый раз по-разному, в зависимости от эмоционального фона, который их в данный момент наполнял. Лук говорил про некий сумматор в высших отделах мозга: с одной стороны в него заходит информация, а с другой – чувства. Поэтому одну и ту же историю, одни и те же слова люди могут воспринимать абсолютно по-разному, в зависимости от того, что они в эту минуту испытывают. Поэтому Лук и предупреждал о важности проверки временем и ситуациями, чтобы свести к минимуму оценочную погрешность.

Еще Лук рассказал им о «табуретке», вернее, о трех ее ножках, объяснив, почему их самих трое. Три мушкетера, три медведя, три богатыря – это самое устойчивое состояние, оптимум. Тут Филиппыч, по его мнению, доверился своей безотказной интуиции, даже типажей подобрал соответствующих – ясно кто из них Муромец, кто Добрыня, а кто Алеша. Творческий процесс – подсознательный интуитивный поиск, цепочка свободных ассоциаций – легко может выходить за пределы одной головы. И тут возникает *scenius* – коллективный гений, когда энергия участников не просто суммируется, а еще и возводится в квадрат, порождая множественными обратными связями.

Скоро у них появился еще один лозунг на стене. Его написал Кира во время субботника: *«Только веселый человек – хороший».*

Страна недавно разрешила для себя Достоевского.

Глава 7

Однажды после майских Кира позвал Петю в гости к знакомым, причем назвал это творческой командировкой. Антон был занят: у них с Верой началась активная подготовка к свадьбе.

– Хочу познакомить тебя с тремя персонажами, которые занимаются примерно тем же.

– А кто они? – спросил Петя.

– КВН смотрел?

– Ну да, передачи три видел. Мне нравится, «интеллектуальный футбол», одиннадцать человек выходят на сцену под футбольный марш.

– Поедем к «бригаде создателей». К тем, кто все это придумал.

– На телевидение?

– Да нет, из них только один оттуда, редактор. Другой инженер с электролампового, а третий вообще врач.

Сели после работы на троллейбус и покатали в сторону Проспекта Мира.

Пете было интересно.

– А ты их давно знаешь?

– С врачом познакомился на третьем курсе, когда у нас в МГУ открыли эстрадную студию. Называлась «Наш дом». Он там всем заправлял, убирал четвертую стену.

– Это как?

– Понимаешь, край сцены – это всегда граница. Одни что-то показывают или поют, другие слушают. А Аксель хотел эту границу убрать, сделать зрителя соучастником, чтобы рождалось коллективное действие.

– И после этого он перенес свои опыты в КВН?

– Скорее наоборот.

Рассказ Киры про то, как «ГГГ» стала «ВВВ», а фикус и черепаха обернулись Малой советской Ходынкой.

«Бригада создателей» еще раньше, к Фестивалю молодежи и студентов, придумала первую в стране молодежную телевикторину, ее транслировали прямо из клуба МГУ на Ленинских горах. Взяли в качестве прообраза чешскую «ГГГ» – «Гадай, Гадай, Гадальщик», и придумали свою – «ВВВ» – «Вечер Веселых Вопросов». Это было что-то вроде КВН, только без команд, играли сами зрители. Ведущие запускали из рогатки шарик под потолок, он на парашюте спускался кому-нибудь на голову, и ему приходилось выходить на сцену и включаться в игру. Боязнь сцены и телекамер компенсировалась спортивным азартом, зрители обо всем на свете забывали. Придумали центральный конкурс с приездом. Например, кто первый привезет три вещи: 7-й том Джека Лондона, фикус в горшке и черепаху, – тот и победитель.

На этих конкурсах они и подорвались в третьей передаче. Объявили условия: приехать в валенках, тулупе, с газетой от 31 декабря. А это июль месяц. Никита Богословский, он вел передачу, в суматохе забыл сказать про число, сказал – просто с газетой. И началось страшное. На Ленинских горах, у университета, столпотворение! Из такси, из метро, из автобусов повалили люди в валенках и тулупах. Постовые сошли с ума и попрятались на всякий случай. Эта толпа ворвалась в зал, смела кордоны, и на сцене в прямом эфире начался кошмар. Одним из первых туда вбежал летчик из Норильска в унтах. Все требовали приза. Малая советская Ходынка. Передачу закрыли со скандалом, говорят, даже было специальное постановление ЦК.

– А сейчас почему открыли?

– Прошлым летом им вдруг позвонила Лена, их бывший редактор с телевидения, и попросила придумать что-нибудь в том же духе. Они ей говорят: «А ты помнишь, чем это кончается?» А она: «Не волнуйтесь, беру все на себя».

Петя вспомнил, что прошлым летом, когда они как проклятые смотрели телевизор и делали свои заметки для Филиппыча, никакого КВН еще и в помине не было.

– Придумали передачу, она с ходу пошла. Теперь они ее раз за разом до ума доводят.

– А почему появились команды?

– Поняли, что очень трудно управлять участниками, когда играет весь зал. Теперь зал, конечно, тоже играет, мало того, и все те, кто перед экранами сидят, тоже вовлечены. Как в твоём футболе. И как в любой игре, все происходит в первый и последний раз.

– Так чего же они еще придумывают?

– Правила. Чтобы игра была интересной. Ты видел когда-нибудь в киосках правила игры в шах маты?

– Нет.

– Просто в один момент их кто-то очень хорошо придумал, и с тех пор, пару тысячелетий, в них прекрасно играют. Вот и они тоже придумывают такие правила, чтобы игра могла продолжаться практически вечно. Запустить процессы. Создать устойчивое поле для вдохновения.

– А в чем оно выражается?

– Увидишь.

* * *

Им открыл молодой мужчина, немного похожий на Райкина, правда, лицо было мягче и добрее.

– Миша, – представился он и повел их по коридору большой коммуналки, – нам сюда, в «салон-столовую».

Комната располагалась как раз посередине, в ней было два окна, причем на каждом висели разные занавески, тут же стояло два больших обеденных стола, скатерти на них тоже были разные, в тон занавескам. За одним из них сидело двое ребят, они молча кивнули и продолжили свой разговор.

Разговором, конечно, это никаким не являлось. Они витали в облаках, в каком-то своем измерении, и эту волну было трудно сразу поймать. Перебирали какие-то несвязанные факты, произносили только им понятные сочетания слов, так бабушка Пети играла на даче в лото, выкрикивала разные там «барабанные палочки», «дедушку» или «собачьи уши».

Через какое-то время Пете стало неудобно, они тут были явно лишние и наверняка мешали таинственному процессу. Он подмигнул Кире – не уйти ли потихоньку? Но Кира только улыбнулся – он, видимо, был здесь не впервые.

Постепенно разговор стал вязнуть, у Пети даже голова разболелась, казалось, троица сама вот-вот рассыплется на элементарные частицы и исчезнет. Пульс разговора еле проби-
вался.

– Изначально все это звучит так, что повеситься хочется от скуки, – сказал красивый парень, по всей видимости, это и был Аксель. – Вы только вдумайтесь – я объявляю конкурс со сцены: «А сейчас – домашнее задание!» Это же самое страшное, что может быть для студента – опять в школу, опять уроки, опять зубрить. Это противоречит самой нашей идее – все здесь и сейчас, никаких домашних заготовок, импровизация в чистом виде.

– Ты не прав. Мы просто расширяем поле для маневра, вводим новую рубрику, внутри которой можно придумывать бесконечно, – с ним спорил парень в синей ковбойке. Судя по всему, это и был телередактор, уволенный когда-то за тулупы и валенки. – Ну не смогут они это родить на сцене, не будет у них такой возможности, даже технически. Времени, в конце концов, не хватит.

– Ну временем нас пока никто не ограничивает. Мы не в сетке, последняя передача, можем хоть до утра эфириться.

– Ну хорошо, ну что они не смогут сделать в студии?

– Пусть по городу ходят.

– А они так не ходят?

– Пусть ходят с какой-нибудь целью. Медленно. Поищут.

– Ну это же у нас было: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

– Ну так это был блиц. На смекалку и остроумие. Они выбегали и через час возвращались. А тут другое.

– Ну что они в Москве не видели? Что они там еще смогут разглядеть?

– А нам в Москве все нравится? – вдруг спросил Миша.

Все задумались.

В комнату вошел парень небольшого роста – видимо, сосед:

– Миш, можно я с вами посижу, вы так интересно ругаетесь...

Хозяин кивнул и вышел вскипятить чаю. Вернувшись, он подошел к окну.

– Ну и что ты там видишь? – спросил Аксель.

– Гастроном.

– А еще?

– Горку из банок сгущенки.

– И все?

– Ацидофилин. Вернее, самодельный плакат в витрине. «Ацидофилин полезен и улучшает работу желудочно-кишечного тракта».

Троица переглянулась.

Миша подошел к столу и взял карандаш.

– «Город отражается в витринах», – сказал Аксель.

– Задание – сделать по десять фотографий для стенда «Эстетика нашего города и его витрин», – подхватил его мысль телередактор.

Миша все записал и поставил точку:

– Партия.

– Ребята, а можно я вам свою песню спою? – спросил вдруг парень.

– Ну, валяй, – кивнул Миша.

Тот вышел и тотчас принес гитару.

– Песня называется «Татуировка», – сказал он неестественно-низким голосом, будто со сцены объявил, и запел.

Парень пел про Валю, какого-то Лешу, о том, как они эту Валю между собой не поделили и страдали. В итоге оба сделали по татуировке с ее профилем. «Хороша она там, наверное», – Петя представил размытые линии на мужской груди.

– Володь, ну что ты всякую ерунду сочиняешь, – вздохнул Миша. – Ты же актер, у тебя карьера впереди. И тут – блатняк. Ты хоть их не пой никому.

– Поздно, я уже на магнитофон записал, – махнул рукой тот. – Я себе псевдоним придумал – Сергей Кулешов. Пусть все думают, что я – это он. И голос меняю, чтобы не узнали. – Он посмотрел на Мишу и пригрозил: – Я и про тебя сочиню.

– Вот спасибо. Ты уж тогда и мне псевдоним дай.

– Мишка Шифман. Подойдет?

* * *

Потом долго сидели и разговаривали, Пете все было страшно интересно.

Кира рассказал, что они тоже придумывают втроем.

– А чем вы занимаетесь? – спросил Аксель. – Ты же вроде фольклорист?

– Примерно этим и занимаемся, – туманно ответил Кира. – Интересно за вами было наблюдать. Как вас болтало из стороны в сторону.

– Это нас уже не удивляет. Мы давным-давно открыли тайну пушкинской пирамиды.

– Пушкинской пирамиды? – Глаза у Пети загорелись. – Никогда о такой не слышал.

Аксель вздохнул и произнес:

– *«О, сколько нам открытий чудных готовит просвещение дух...»* – слышал такое стихотворение?

– Ну конечно.

– Это зашифрованное пушкинское послание. Он же был масоном. Тогда все приличные люди были масонами. Тайное знание о технологии творчества, о творческом процессе – как все работает?

Редактор распрощался и ушел – видимо, слушать про масонов ему уже надоело.

Аксель продолжил:

– Представь, когда вы только начинаете думать над идеей, что-то сочинять или изобретать, вы всегда опираетесь на свой фундамент, на полученные знания, тот самый «просвещение дух...». Вы просто обмениваетесь друг с другом тем, что прочитали в книгах и слышали на лекциях. Вы оперируете существующими истинами, которые до вас дошли, и пытаетесь их применить в деле. Этот этап – важный, но самый скучный, вы говорите банальности, ходите по кругу, и ничего не движется. Знания сами по себе не работают.

– А потом? – спросил Петя.

– Ну так обратись к Пушкину.

Петя продолжил:

– «О, сколько нам открытий чудных

готовит просвещения дух,
и опыт, сын ошибок трудных...»

– Следующая ступень пирамиды, плита поменьше – ваш опыт. Не только знать, но и уметь, успеть что-то уже сделать. Вы опираетесь на собственный опыт, на опыт ваших партнеров, перекрестно опыляетесь и начинаете двигаться.

– *«И гений, парадоксов друг...»*

– Наши знания и опыт мы умножаем на наши способности и талант, который имеем. Плита эта часто совсем крошечная. И получаем результат. Согласен?

– Да.

– А вот и нет. Если на этом остановиться, результат будет рукотворный, достаточно предсказуемый, то, что вы сделаете, не будет прорывом и вряд ли вас переживет.

– Тогда я не понимаю, – сказал Петя.

– Все дело в последней строчке, – догадался Кира. – Ее, кстати, во многих советских изданиях стыдливо опускают.

Аксель начал читать сначала:

– «О, сколько нам открытий чудных
готовит просвещения дух,
и опыт, сын ошибок трудных,
и гений, парадоксов друг.
И случай, бог-изобретатель».

Если мы не впустим на последнем этапе Его Величество Случай, Попутчика, имя которого лучше все и не произносить, мы останемся без паруса, с одним веслом. Или вообще с ладошками, – улыбнулся он. – Но впускать его в процесс можно лишь тогда, когда вы дошли до предела своих человеческих возможностей, используя все свои знания, весь свой опыт и скромный гений. Иначе вы его не почувствуете, и бесконечность не откроется. А так – любая случайность поведет, куда нужно. Ацидофилин, к примеру.

Петя вздохнул.

– Вообще-то я врач, – улыбнулся Аксель, – реаниматолог, людей оживляю. А здесь наоборот, важно сознание выключить, довести себя до состояния бреда. Но работает все, когда нас трое, мы проверяли. В одиночку этого не сделать.

Петя опять вспомнил Лука и его *scenius*.

– Табуретка, – произнес он задумчиво.

– Готов, – сказал Аксель и похлопал Петю по плечу.

* * *

С Катей все было по-прежнему непонятно. Иногда Петя ее терял, она не брала трубку и пропадала.

Петя пробовал ей не звонить, но долго не выдерживал, ноги сами несли его в ателье, и когда он наконец ее видел, на какое-то время все в его жизни становилось на свои места.

В общем, было сложно. От себя она его не отпускала, держала на орбите, но и сказать, что она его девушка, Петя по-прежнему не мог.

В первый день лета он ее провожал.

– Давай-ка я тебя накормлю, – вдруг предложила она.

Есть Петя и вправду хотел, поднялись на седьмой этаж, Катя жила в соседнем с Антоном подъезде. В квартире она занимала комнату, очень большую, окна выходили на балкон невероятных размеров, с двумя мощными колоннами и лепниной.

– Балкон соседский, когда они гуляют по нему, могут и сюда случайно заглянуть, – предупредила она.

Она разогрела на кухне борщ, котлеты с макаронами и принесла все в комнату.

– Ешь давай.

– Без тебя не буду.

– А я с тобой выпью.

Катя достала из серванта бутылку крепленого вина и налила им по рюмке.

Выпили. Она долго на него смотрела.

– Знаешь, – вдруг сказала она, – оставайся-ка ты у меня. Зубную щетку я тебе найду.

* * *

На следующий день она исчезла. Дома ее не было, на звонки не отвечала, в ателье сказали, что взяла отпуск за свой счет.

Петя позвонил Вере. Та сказала, что вечером будет у Антона и он может после работы туда заехать.

Весь троллейбус жарко обсуждал последние события – мясо подорожало на треть, а молоко – на четверть. Диагноз поставили сразу – Лысый во всем виноват, при Сталине цены только снижались.

Родителей Антона дома не было, вскоре приехала Вера, чувства ее переполняли, в метро она тоже наслушалась про мясо.

– Нет, ну нельзя же так примитивно мыслить, – не могла успокоиться она, – ведь никто не обратил внимание, что одновременно повысились и закупочные цены, теперь у крестьян не за копейки скот будут отбирать. Просто у нас в стране такой бардак с ценами, как еще все держится, не знаю.

– Какой бардак, Веруня? Цены годами не меняются. Десятилетиями, – возразил Антон.

– Это для тебя. Взял авоську – и вперед. А в экономике с ценами десятилетиями царит хаос. Ты хоть знаешь, что из отрасли в отрасль цены на одно и то же меняются в разы? Для сковородки сталь будет стоить в шесть раз дороже, чем для станка. Никто до конца не знает, кто кому платит и за что.

– Глупости.

– Эх, Антоша. В начале это хоть какой-то логике поддавалось, пусть людоедской: развивали тяжелую промышленность. Стали грабить крестьян, платили за хлеб и картошку гроши, а машины продавали втридорога. Назвалось это «ценовые ножницы». Ну а сейчас-то? Индустриализация давно позади, тяжелая и легкая промышленность в равном положении, так давайте выстроим прозрачную цепочку «производитель – потребитель», пусть он платит столько, сколько это реально стоит, пусть напряжется хоть чуть-чуть. Все просто.

– Ну так и работайте в этом направлении.

– Ну так и стараемся. Только толку чуть.

– Вера, хватит политинформации, давай уже еду готовь, – занервничал Антон.

Вера всех накормила и понемногу пришла в себя.

– Что-то случилось, – сказала вдруг она. – Отец вечером был сам не свой, а сегодня его дернули по тревоге. Улетел.

– Куда?

– В Новочеркасск. Рабочие там забастовали. Сказал, что там все дошло до танков.

В это никак не верилось. Некоторое время сидели молча.

– Видели, Хрущев вчера по телевидению выступал? – спросил Петя. – Объяснял про цены. Все вроде по уму говорил... Путано только, как всегда. Но без бумажки.

– Да не нужно было ему этого делать, – поморщился Антон. – Послал бы Микояна или Косыгина. Поберег бы репутацию.

– Зато честно.

Вера посмотрела на Петю:

– Антон, иди погуляй.

* * *

– Она в Сухуми.

– В Сухуми? Что ей там делать?

– Мужчина там у нее. Любимый. Вернее, он сам из Тбилиси, но встречаются они всегда там.

– Она что, не могла мне это сказать? Боялась?

– Да чего ей бояться-то? – вздохнула Вера. – Просто пыталась разобраться – видимо, себя слушала. Ты ведь для нее тоже не просто так.

– Давно он у нее?

– Давно, года три уже. Он учился в Москве. Сразу влюбились друг в друга, да так, как в жизни раз бывает. Захотели пожениться, ее родители в принципе не возражали, хотя отец ворчал, семья у нее простая, он шофер, генералов в войну возил. Но все равно добро им дал. А у грузина все оказалось не так просто. Жениться на русской? Никогда. Погуляй сынок, сколько нужно, а женись на своей, мы тебе невесту давно присмотрели.

– Ну и что, он не мог по-своему сделать?

– Там у них, Петя, не как у нас. Может, так и лучше... С тех пор то он к ней приедет, то она к нему. Встречаются в Сухуми, Тбилиси город маленький. Там у нее уже полно друзей.

– Мужчины? Туда же, говорят, опасно девушкам ездить.

– Ну так она не одна, она с ним, а это другое дело. Знаешь, как ее любят? Чудит она там только иногда. В фонтане выкупалась в прошлый раз.

– Катя?

– Ты еще ее мало знаешь. Но знай, девка она хорошая, такая на всю жизнь будет, и счастье даст, и детей нарожает. Оденет по-человечески.

– Ну так что мне с этого? Она же к нему уехала. Все.

– Да ничего не все. Больно им друг от друга отрываться-то, а все равно придется. Приду к ней домой иной раз, она меня булавками обколет, а потом вдруг раз – и завоет. Доля бабья – все равно мужику все решать.

Чувствовала, что у нее самой все устроено по-другому.

Глава 8

Лето в Москве – время хуже не придумаешь. Ощущение, что жизнь катится мимо. Трава, еще вчера свежая и аккуратная, превращается в лохматый бурьян. Автоматы с газированной водой не спасают. «Спартак» не радуется, позорно проигрывает одну игру за другой. Одно хорошо – половина Москвы выехала на дачи, и в троллейбусе можно сесть, а потом ехать, читать «Советский спорт» и никому не уступать место.

Петя как-то после работы зашел в «Детский мир», который недавно открыли по соседству. Говорят, что начальство в Комитете было против его строительства, мол, зачем тут под носом вечная толчея, но Хрущев их в конце концов сломал. На третьем этаже Петя купил

кордовую модель самолета: набор реек, фанеры и папиросной бумаги – и собрал ее в выходной. Лететь она не захотела.

Антон с Верой укатили на Рижское взморье. Филиппыч тоже ушел в отпуск, остались они с Кирой одни, предоставленные сами себе. Составляли еженедельные «объективки», добавляя в рапорты о настроении людей в стране свою часть, посвященную анекдотам.

Чапаева пока остановили, ждали Антона, да и многое уже удалось сделать. Филиппыч как-то успокоился и в их безумный проект поверил.

* * *

Однажды Петя побывал у Киры в гостях. Жил он недалеко от пирожковой, во Втором Неглинном переулке, рядом с Сандуновскими банями. Дом был старый, трехэтажный. Рядом церковь с колокольной и пивной ларек. Пейзаж конца прошлого века.

– Этот дом когда-то мой дед построил. Он бабушку совсем юной взял, но умер вскоре. Революцию она уже вдовой встретила, поэтому ее и не тронули. Только стали уплотнять. В конце концов у нее осталась одна большая квартира. По идее должны были оставить только комнату, но в этот момент ее сын, мой отец, получил патент на изобретение. Так квартира и осталась.

– А кто твой отец?

– Конструктор. Ракеты. Видимо, поэтому меня сочли для органов не совсем пропащим.

Они поднялись на второй этаж, из прихожей шли комнаты анфиладой, со старинной мебелью, тяжелыми портьерами с бахромой, в гостиной стояло пианино с канделябрами. И везде были книги. Очень много книг.

Мать накрыла на стол. Несмотря на неюный возраст, выглядела она очень хорошо. Кира рассказал, что она с конца апреля открывает окно и садится на подоконник принимать солнечные ванны, когда все уйдут.

Кира принес ему свежий номер «Юности».

– Читал? Новый Аксенов. «Звездный билет». А вообще можешь походить и выбрать что-то для чтения.

Стопка получилась большая и немного пестрая: трехтомник Хемингуэя, красивая книга про собак Сабанеева, Карамзин, атлас по градостроительству Москвы и Гоголь с иллюстрациями. Все издания были дореволюционные, кроме, разумеется, Хема.

– А ты что читаешь сейчас?

– Не думаю, что это тебе будет интересно. Бердяева.

– Он же реакционный?

– Зато умный. Он же не знал, что он реакционный, когда писал.

* * *

В сентябре Петя встретил Настю. Стоял за ней в очереди в театральном буфете, он один и она одна. Вернее, это даже был не театр, а консерватория. Как Петю угораздило туда прийти – отдельный вопрос.

Однажды Кира пришел на работу сам не свой, сказал, что ему по великому благу устроят пятиминутную встречу с самим Стравинским.

– Это же какой-то эмигрант? – спросил Петя. – Композитор?

– Великий. Он давно уехал, еще в 14-м. Теперь приезжает с гастролями, хочет увидеть своими глазами, что тут у нас и как. Могу взять с собой. Между прочим, шанса у тебя второго уже не будет, сюда он больше не приедет. Понимаю всю твою любовь к классической музыке, но пора начинать, в конце концов.

- Что начинать?
- Видеть чуть больше футбольного поля.
- А зачем тебе с ним встречаться?
- Мне ему вопрос нужно задать. Всего один, но очень важный.

В консерваторию пришли заранее, встреча должна была состояться до концерта, Киру предупредили – ровно пять минут, маэстро очень щепетилен. Кира нервничал, таким его Петя не видел.

Наконец его куда-то увели, а Петя пошел в буфет.

Ее звали Настя, была она очень красива, небольшого роста, худенькая, с особенной грацией, и почему-то напомнила Пете этюд в пастельных тонах. Он сам не мог объяснить, откуда пришло в его голову такое определение, просто пришло, и все.

Выяснилось, что она балерина и танцует в Большом, вернее – только начала.

Репетирует партии двух фей – Феи Щедрости и Феи Бриллиантов, в «Спящей красавице». Сюда попала тоже случайно – кто-то там у них не смог пойти, а Стравинского она очень любит и мечтает когда-нибудь его станцевать.

– Если честно, я его долго ждала. Знала, что это когда-нибудь случится.

– А почему?

– Так Москва же Мекка для классики, – она пожала плечами, – сюда все едут, всем нужно, всем тут интересно. У меня подружка в консерватории, на ее курсе полно иностранцев, приехали учиться заново, закончив консерватории у себя – кто в Вене, кто в Париже. Там у них даже дочь бывшего премьер-министра Великобритании учится.

– А почему?

– Школу сохранили.

– А почему?

– Откуда я знаю, – засмеялась она.

Подошел Кира, еще более странный, чем уходил.

– А это мой друг Кира, он только что разговаривал со Стравинским.

Кира слегка отпрянул.

Начинался концерт, они прошли в зал, Настя поднялась куда-то на балкон, их места были в партере. Маэстро взмахнул дирижерской палочкой.

Музыка пробирала Петю до костей, он даже не подозревал, что такой чувствительный. Стравинский был хорош, метал молнии и громы.

– Ну что? Спросил? – шепнул Петя.

– Угу, – кивнул Кира.

– А он? Ответил?

Он покачал головой.

– А что?

Кира посмотрел на него в упор:

– Он мне все пять минут очень подробно объяснял, как борется с медвежьей болезнью перед выступлением.

Глава 9

– Запишите адрес: Ленинский 72. Ровно в пять.

– А что там? Ресторан?

– Приедете – узнаете. Только не опаздывайте.

У Антона была свадьба. Накануне гуляли с родителями и родственниками, сегодня собирали друзей.

По указанному адресу никакого ресторана не было, не было и банкетного зала. Была прачечная. Молодожены еще не подъехали, гости вошли внутрь. Вдоль большого зала стояли стиральные машины, самые современные, их было много.

– «Прачечная самообслуживания», – прочитал Петя.

– Как в Америке, – удивился Мухин.

– Ее открыли месяц назад, – сказал им парень у окна. – Эксперимент. Поначалу было столпотворение.

Народу было не так много, люди приходили и сразу загружали белье.

Наконец на бежевой «Волге» прибыли молодожены. Платье Веры можно было назвать свадебным лишь с большой натяжкой, тут явно чувствовалась Катина рука. Голову украшала модная косынка, почти прозрачная, но условно белая.

Антон тоже приоделся: короткий приталенный пиджак, нейлоновая рубашка с узким галстуком. И еще черные очки. Почему-то в руке у него был большой баул.

– Взял сумку подарки складывать? – поинтересовался Мухин. – Вы куда нас зазвали-то?

Антон достал бутылки с шампанским и хрустальные бокалы.

Молодожены торжественно встали в центре зала.

– Так, минутку внимания, – сказала Вера. – Короткая справка. Формально мы уже расписаны, волнения позади. Теперь, собственно, почему мы здесь. Как вы знаете, наше государство сейчас обострило борьбу с церковными пережитками, важно отвлечь граждан не только от истинной, но и от обыденной религиозности, ото всех этих устаревших обрядов типа крещения и венчания...

Вера говорила, как на собрании. И еще немного напоминала экскурсовода.

– И здесь важно создавать новые, современные обряды перехода. Да, во всех крупных городах появляются Дворцы счастья, где брачная церемония обретает былую торжественность. Молодых встречают депутат, комсомольские активисты, им выносят кольца на бархатной подставочке. Но все это полумеры, товарищи. Нужно идти дальше. Сейчас мы предложим вам свой вариант, возможно, он немного уходит корнями в прошлое, но, с другой стороны, без сомнения, смотрит в будущее. Ура, товарищи!

Все захлопали, Мухин с Петей открыли шампанское и разлили его гостям.

Вера достала из баула большую белую простыню и торжественно ее развернула. На ней были засохшие кровавые пятна.

По всей прачечной пронесся вздох, как будто воздушный гимнаст только что сделал смертельное сальто.

– Нам стесняться нечего, – победно произнесла Вера и крикнула: – Горько!

Под звон бокалов и крики она взяла жетон, загрузила простыню в машину, выпила, разбила бокал вдребезги и нажала на кнопку.

– Прощай, моя девичья жизнь, – решительно сказала она и крепко поцеловала Антона.

Посетители прачечной радовались как дети, подходили к молодоженам и от души поздравляли. Кто-то даже подарил Антону часы «Командирские».

Целый час, пока белье стиралось, пили шампанское и заедали шоколадными конфетами. Потом погрузились в подошедший маленький автобус, Антон с Верой – в «Волгу», и тронулись отмечать в ресторан.

– Фурцваген, – сказал Мухин.

– Что? – не понял Петя.

– Автобус этот, «Кубань». Видишь, весь из фанеры? И печки нет в салоне. Зимой в нем настоящая смерть. А артисты в основном в нем на гастролях и путешествуют. И тетю Катю Фурцеву, нашего министра культуры, вспоминают.

* * *

Приехали на место. Это был банкетный зал фабрики-кухни, затерянной где-то в Филях. Стоял теплый конец сентября, и никак не хотелось заходить внутрь.

Утолили первый голод, все, что нужно сказать в тостах, сказали, начались танцы и разговоры.

Петя пришел с Настей, переживал, как ее встретят, но все было хорошо, она порхала, с ней без конца кто-то разговаривал и танцевал. Кати на свадьбе не было, по какой причине Петя не знал, да и знать не хотел.

Кира тоже привел девушку, ее звали Люся, была она очень живой, много курила, но при этом говорила тонким, почти писклявым голосом. Кира к ней так и обращался – «Пионерская зорька». Она и вправду работала на радио, в «Последних известиях», где делала репортажи для рубрики культуры, но почему-то считала свою деятельность самой бесполезной на свете.

– Мухин, а что же ты не играешь сегодня? – поинтересовался Петя. – Твой старый друг женится.

– Я же свидетель. Нельзя одно с другим путать. Попозже выйду. Видишь, мои. – Он кивнул на квартет музыкантов. – Лучшие практически.

Это было и вправду заметно.

– Ну что, Эдька, а ты когда в ярмо? – спросил Мухин. – Как там у вас с невестами в Академгородке?

– Полный порядок. Все лето купаемся с ними в море.

– В каком это море?

– В Обском. Не пробовал? Там у нас, Мухин, другая планета – все молодые, красивые, есть с кем поговорить на любые темы. Хочешь о биологии, хочешь о генетике. Интересно.

– Не знаю, – засомневался Мухин. – С невестами о другом обычно разговаривают.

Подошла Вера – познакомить Эдика со своей рыжей подругой.

– Читал Либермана? – спросила она мимоходом.

Лучше бы она этого не делала, рыжая еще немного постояла и ушла танцевать липси, а Вера с Эдиком тут же сцепились языками, словно были не на ее свадьбе, а на какой-нибудь научной конференции.

Из их разговора Петя понял, что некий харьковский профессор-экономист Евсей Либерман написал статью о прибыли и ее опубликовала «Правда». Дело это было экстраординарное, прибыль всегда считалась уделом капитализма, а из статьи выходило, что без нее и нам никак не обойтись.

Вера рассказала о том, что ей было известно о закулисной стороне происходящего. Либерман послал статью Аджубею, редактору «Известий» и зятю Хрущева. Тот любил «жареные» публикации, но всегда подстраховывался, предварительно зачитывая их тестю на воскресном обеде. В этот раз Хрущев завелся, распорядился напечатать статью не в «Известиях», а в «Правде», это уже был особый знак для всех посвященных, и на следующий день после публикации разослал записку о новом этапе реформы управления экономикой. На все возражения о том, что прибыль – это шаг к капитализму, он хитро объяснял, что это обществу нашему прибыль не нужна. А предприятию – необходима. Выкрутился, как всегда. Дело пошло.

* * *

Свадьба получалась не очень правильная. Жених отплясывал с Настей, невеста сидела, закинув ногу за ногу, в компании двух молодых людей и даже в какой-то момент закурила.

Мухин расчехлил гитару и уже не уходил со сцены. Музыканты заиграли все самое модное: «*Let's Twist Again*», «*Calcutta*», «*Baby Face*», и теперь танцевали почти все.

Вере, казалось, не было до этого никакого дела.

– Какой же душой я себя чувствую на своей собственной свадьбе. Кому это все надо?

Она вздохнула и заняла место невесты. Все поутихло, гости расселись, и тосты продолжились.

– Мухин, ну как там твоя музыка? Сочиняешь? – спросил Петя.

– Некогда. С Бернесом целое лето по стадионам мотался. Программа «Товарищ кино», по три концерта в день. В перерыве еда, домино и сон. Потом опять к сцене, прямо на автомобиле.

– А как же вы на стадионах выступали? Там же зрители вокруг сидят.

– Крутились во время выступления, чтобы на все стороны работать. Одна песня – и свободен. Бригада хорошая была: Андреев, Крючков, Федорова с Хитяевой. Олейников. Ему только и нужно было выйти, поклониться в пояс и сказать: «Здравствуйте, земляки!» – все, начиналась овация минут на двадцать, можно было уже ничего не делать и уходить.

– Скоро, наверное, Евтушенко так сможет. – С Белкой сегодня перетанцевали все присутствующие кавалеры, свадьба ей нравилась.

– Я неделю назад у него интервью брала, – вступила в разговор Люся. – По поводу «Бабьего яра».

– И как он? – Белка на нее даже не посмотрела.

– Звезда. Рассказывал, что его перевели практически на все языки мира. «Нью-Йорк Таймс», «Монд», «Таймс» – везде первые полосы.

– А с чего это? – не понял Мухин. – Он что, лучше Пушкина?

– Не лучше, успокойся. Повезло ему, – сказал Антон.

– Что значит повезло? – удивилась Белка.

– «Бабий яр» вышел в «Литературке» 19 сентября.

– Ну и что?

– У евреев это день покаяния в грехах. Судный день. «Бабий яр». Подумай.

– Евтушенко еврей? – опять ничего не понял Мухин.

– И ты тоже, Мухин, еврей, успокойся. Или скоро им станешь, будешь с моим братцем дружить.

– Лучше я цыганом стану. – Мухин поднялся из-за стола.

– Мне Евтушенко после интервью рассказал, – тихо сказала Люся, – когда он принес «Бабий яр» в «Литературку», главный редактор попросил его подождать, хотел посоветоваться с женой. Евтушенко не понял сначала, почему с женой-то. А редактор, его фамилия Косолапов, говорит: «Ну как же, Женечка, меня же уволят завтра, если я стихотворение напечатаю. Должен же быть у нас семейный совет». А сам его уже в набор отправил. Приехала жена, минут сорок совещались, потом она выходит из кабинета, заплаканная, но улыбается, на борца Поддубного похожая. Говорит ему: «Дайте я на вас хоть посмотрю». Потом уже Евтушенко рассказали, что она в войну медсестрой была, раненых из-под огня выносила.

– А Косолапова-то уволили? – спросил Петя.

– Конечно.

* * *

Мухин вышел к музыкантам, что-то им показал и объявил:

– «Первые шаги», пьеса Юрия Мухина. Исполняет автор. А вам, молодые, желаю не задерживаться с первыми шагами в известном направлении.

Музыку все узнали по «Доброму утру». Мухин сыграл еще несколько своих вещей и вернулся под аплодисменты.

– Мухин, скажи, а как ты музыку сочиняешь? – спросил Петя.

– А я ее не сочиняю. Мне пальцы мои иногда ее играют. Главное их почаще на струны класть.

Глава 10

В ноябре опять была выставка студийцев Билютина, на этот раз в маленьком зале на Таганке. Ажиотаж был еще больший, о ней появились хвалебные статьи в «Известиях», «Советской культуре», и даже в журнале «Советский Союз». Говорили о большом резонансе в западной прессе, еще бы – наконец-то в СССР происходит отход от догм соцреализма!

На выставку по традиции опять пошли все вместе, а после собрались у Антона с Верой. Купили много вина, в кулинарии у метро голубцов и расположились на знакомой кухне.

– Модернисты выходят из подполья! Э-ге-гей! – Белка махала бокалом и не могла сдерживать своих чувств. – Вы хоть знаете, что скоро вообще цензуру отменят?

– Белка на хвосте принесла.

– Я абсолютно серьезно. Вы слышали всю эту историю с Солженицыным?

Вокруг одиннадцатого номера «Нового мира» творилось что-то невероятное, неделю назад у городских киосков выстроились очереди, составлялись списки, весь тираж мгновенно смели. Повесть «Один день Ивана Денисовича» ходила по рукам, за ней гонялись, но прочитать ее пока не было никакой возможности.

– Ну так вот, говорят, Твардовский летал специально в Пицунду, когда Хрущев там отдыхал. И пробил. А заодно и с цензурой разобрались, не будет ее больше.

– Эх, Беличьи новости. Легки и непосредственны, – вздохнула Вера. – Все немного не так было. Твардовский дал рукопись Лебедеву, помощнику Хрущева, с расчетом, чтобы тот замолвил словечко в нужную минуту. Лебедев взял повесть в Пицунду и как-то вечером, уловив момент, грамотно ее представил: мол, принес Твардовский, важная вещь, нужна политическая оценка. А Хрущев любит, когда ему читают вслух. «Ну-ка, – говорит, – почитай». Первую часть слушал по вечерам, а со второй так вообще все дела задвинул, «Иван Денисович» пошел прямо с утра, Хрущев даже Микояна приглашал, вдвоем слушали. Пробрало.

– И что?

– Хрущев позвонил в Москву, поручил отпечатать ровно двадцать экземпляров. Отпечатали, шлепнули красную печать, ну, типа, не выносить, не делать копии, не передавать другим и вернуть в ЦК по истечении надобности.

– А ты откуда знаешь? – не выдержала Люся.

Всем стало немного неловко.

– Отец домой принес. Не на работе же ему читать. Я ее за ночь проглотила.

Люся сделал вид, что все поняла.

– И что было дальше? – заволновались все.

– Раздали всем членам президиума ЦК, Хрущев попросил ознакомиться к его приезду. И на первом же совещании всех спрашивает: «Ну что?» А тогда ведь, помните, сумасшедший дом в мире творился, братья китайцы войска в Гималаи ввели, полезли на наших друзей индийцев, пойдя разберись. Все и забыли про книжку-то. «Ну, ладно, – говорит Хрущев, – завтра опять у вас спрошу». И давай им стихи читать.

– Стихи?!

– «Наследники Сталина» Евтушенко. Лебедев ему в Пицунде и это успел в уши вложить.

Вера на секунду ушла в себя, вздохнула и произнесла:

– Нет, Сталин не сдался.
Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли
Из Мавзолея
Его.
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?

Читала она хорошо.

– ...Иные и Сталина ругают с трибун,
А сами
Ночами
Тоскуют о времени старом... —

Президиум ЦК сидит, головы в плечи. А он им дальше:

– ...Покуда наследники Сталина живы еще на земле,
мне будет казаться,
Что Сталин еще в Мавзолее.

Тишина мертвая. Хрущев: «Предлагаю опубликовать». Ничего не поделаешь, опубликовали.

– Мне кажется, Хрущев – главный поэт нашей эпохи. – Кира сидел с бокалом вина, как усталый грузинский князь.

– Хорош поэт, – фыркнула Белка. – У него в каждом предложении по ошибке.

– Он мыслит как художник. – Кира с улыбкой посмотрел на нее. – Ну как вам такое – шесть минут с трибуны ООН рассказывать анекдоты? Вот где хеппенинг! Он же ведет себя как поэт во всех своих начинаниях! Все его причуды – это есенинские коленца. Каждая речь – поэма. Неуклюжая, согласен. Но живая! По бумажке почти не говорит, а если говорит, то непрерывно соскакивает, вся ценность в этих его лирических отступлениях. Мастер импровизации.

– А кто у нас тогда Евтушенко? – уточнила Люся.

– Летописец Нестор. Ему главное успеть все записать. Но чем тщательней будет записывать, тем меньше будет поэтом, – подвел итог Кира.

Голубцы кончились раньше, чем вино. Вера закинула в воду пельмени и продолжила свой рассказ:

– Короче, Хрущев всех додал, решили повесть печатать. Вызвал Твардовского на разговор, сказал, что проникся, причем Солженицына называл Иваном Денисовичем, все у него в голове сплелось. Твардовский ему: «Никита Сергеевич, ну вот Некрасов и Николай Первый – это же два лагеря было враждебных. А „Новый мир“ и правительство – мы же по одну сторону окопа. Зачем нам цензура? Меня ЦК на эту должность утвердило. Так зачем надо мной еще один редактор – цензор Главлита? Почему я завишу от его настроения и глупости, почему он мне постоянно – „пейзаж слишком уныл“? Или „утро слишком хмурое“? У них функция-то изначально была – обеспечивать сохранение государственной и военной тайны. А что теперь? Абсурд!»

– А Хрущев?

– «Да, – говорит, – согласен, сняли мы в этом году цензуру на сообщения иностранных корреспондентов – так и врать стали меньше». Ну, короче, Твардовский вышел из кабинета победителем и успел отпечатать одиннадцатый номер к пленуму ЦК. Завезли две тысячи экземпляров в Кремлевский дворец, торжественный день открытия, во всех киосках очереди, делегаты хватают журналы с повестью, как пирожки. Потом по всему дворцу так и ходили – в одной руке красная папка с докладом Хрущева, в другой – синяя тетрадка «Нового мира» с Солженицыным.

– Мне кажется, это поворотный момент? – серьезно сказала Люся. – Скажи, а что там вокруг Хрущева в ближайшем окружении? Есть кто живой?

На нее опять все искоса посмотрели.

– Есть, конечно. «Цековская молодежь». Набирают силу. Кстати, Белка, твоих модернистов патронируют.

– У тестя коллекция картин – будь здоров, – похвастался Антон. – Соцреализмом и не пахнет.

– Там многие собирают или просто сочувствуют. Аджубей тот же, Сатюков, Ильичев, по сути главный идеолог сейчас.

Вера говорила о них, словно о своих старых знакомых.

– А Суслов? Серый кардинал? Куда он смотрит? – не унималась Люся.

– Его Хрущев хотел еще прошлой осенью в расход пустить, назначить вместо Брежнева на декоративную должность – Председателем Президиума Верховного Совета. Говорят, у него истерика случилась, упрямый оставить. А Ильичев постоянно при Хрущеве, даже речи писать помогает, живой, как мячик. Отец рассказывал, один раз экватор переплывали, тот устроил праздник Нептуна, сам бороду нацепил, трезубец взял, Хрущев ему подыграл, даже Громыко в плавках русалку изображал. Вот они какие теперь. Андропов тоже прогрессивный. Стихи пишет и джаз слушает.

Вера замолчала, видимо подумала – не слишком ли разоткровенничалась? Но положила всем пельменей и решила продолжить:

– А вашего бывшего начальника, «железного Шурика», Хрущев поставил «недремлющим государевым оком». К нему теперь особое доверие. Контролирует всех и вся: обкомы, совнархозы, директоров.

– Это как? – не понял Петя.

– Придумали такой партийно-государственный гибрид – Комитет партийного контроля. Чтобы номенклатуру в узде держать.

– Ну и правильно, – поддержала Люся. – Давно пора.

– Тесть сказал, что Никита сжег мосты, – проявил свою осведомленность Антон.

– Ну не совсем уж сжег, – не согласилась Вера. – Просто черту подвел. Вся власть регионам, ставка на молодых. Конкуренция и прибыль вместо вала – тут он просто Либермана повторил. Велел наконец-то устранить бардак с ценами – привести их к «единому уровню». И меньше полагаться на партсекретарей.

– А вот это как раз опасно, – сказал Антон, у них с Верой завязалась супружеская дискуссия. – Они ревнивые, внимания требуют, а теперь будут под каблуком у профессиональных управленцев-хозяйственников. Знаешь, чем Александр II кончил? Бомбу кинули.

– Ну Антоша, кто-то к бомбе готов, кто-то нет.

– Какой же, Вера, у тебя ум! Мужской. – Петя слегка разомлел от еды и вина. – Мне такие нравятся.

Вера на него посмотрела и улыбнулась:

– Зато у тебя теперь царевна-лебедь.

* * *

Разговор все не кончался, Вера быстро пожарила картошки с луком, открыла банку маринованных грибов. Вина все еще хватало. Принесли транзистор «Альпинист», поймали «Радио Люксембург». Полилась музыка.

– Ну вот, теперь хоть похоже на субботний вечер. – Вера наконец перестала хлопотать. – Настя, тебе с нами не скучно?

– Нет, – улыбнулась та. – Только вы говорите о таких вещах... Я, может быть, в своем мире живу. Но мне все интересно, потому что вы его друзья. – Она обняла Петю.

– Он, наверное, тебе про «Спартак» только рассказывает, – предположил Антон.

– Между прочим, он чемпионом может стать! – вырвалось у Пети.

Музыка из приемника нравилась все больше и больше.

– А почему диктор по-английски говорит? Это же «Радио Люксембург», – удивился Антон. – Там же диалект немецкого.

– Это радио англичане открыли еще в тридцатых, – объяснил Кира. – Самый мощный передатчик, вещают на Англию. Передают только современную музыку. В отместку BBC, там один нафталин.

– А мы теперь тоже активно на границу вещаем, недавно специальную редакцию сделали, – сказала Люся. – Выходим на разных языках мира. Даже для диаспор, украинской, армянской. Там неделю назад скандал был, у них есть передача «Арц у патасхан» – «Вопросы и ответы». Ведущего кто-то в эфире спрашивает: в чем все-таки разница между социализмом и капитализмом? А он возьми и ляпни – *при капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме наоборот.*

* * *

Разложили картошку, налили вина.

– А вам страшно не было? – спросила вдруг Вера.

Все замолчали.

– Ну, спички когда пропали с солью, не по себе стало, – сказал Петя. – В газетах-то ничего толком не писали. Так только – Кеннеди, ультиматум, отстоим Остров Свободы. Не успели толком испугаться – раз, отбой...

– А мне в один момент жутко стало, – призналась Люся. – Я как раз работала 28 октября. Воскресенье, спокойно репортажик свой пишу, дай, думаю, за бубликом с ряженкой в магазин схожу. Буфет-то закрыт. Выхожу из подъезда – «Чайка» на полном ходу резко тормозит, из нее вываливается какой-то деятель пузатый, с красным пакетом. Кричит: «Куда?!», а сам ходу не сбавляет, ему – «Третий». Он в лифт, лицо, вы даже не представляете, белое как мел. Торопился, видно, раньше времени дверь дернул, кабина между этажей встала. Тут он аж затрясся весь. Я потом, когда выходила опять, слышала, как шофер кому-то там рассказывал, что они заблудились с нервов, наш радиодом не могли найти. Мотались полчаса по переулкам и гудели в сигнал как ненормальные. Ну так вот, стали вызывать инженера по лифтам, а его нет – выходной, свинтил куда-то. Тут паника такая началась... Смотрю, Левитан спускается по лестнице. Ну, думаю, раз уж его внеурочно вызвали и все тут такое – война, точно.

Люся нервно сглотнула.

– И что?

– Тогда этот лысый в лифте попытался Левитану пакет между дверьми просунуть, не получается, печати не дают сургучные. Он их посрывал и давай по отдельности листочки просовывать.

– Примерно так Огурцова в «Карнавальной ночи» секретарша сосисками кормила, – сострил Антон.

Всем было не смешно.

– Ильичев, – предположила Вера. – Скорее всего, это он был. Прямо с заседания. Они там сутками сидели.

– Левитан, когда первый лист получил, бегом в студию, а лысый ему: Юрий Борисович, пожалуйста, помягче, ведь это не о войне, о мире... Я к приемнику – он ответ читает, от Хрущева – к Кеннеди. Все. Отлегло.

– Боялись опоздать по официальным каналам. Поэтому решили передать ответ таким образом. Там же уже на минуты шло...

– И не сидели бы мы с вами и не говорили. Даже вина бы не было. И цензура – не цензура, Денисыч, или Филиппыч, «Новый мир» – старый мир. Был бы мир опять с бактериями и моллюсками на глубине, – вздохнула Вера.

– Интересно, дельфины бы выжили? – спросила Настя.

* * *

Встречались на Проспекте Маркса. Совсем недавно напротив Большого театра окрыли монумент основателю-классику. Стоял теперь в центре Москвы иностранец. Даже немец. Ну, не совсем немец, но из Германии. Как Ремарк. Или Санта-Клаус. Стоял, улыбался. Вернее, с виду, конечно, он так сурово на всех смотрел, но видно, что под своей бородой все-таки улыбался. Снежок его запорошил, укутал, уютно ему тут и тепло. И нам спокойней. Гений немецкий не может ошибаться, на то он и немецкий. Ну, разве что иногда. Пару раз в сто лет – войну про играть.

Петя увидел Настю издалека. Этюд в пастельных тонах. Интересно, когда он с ней, он ее не замечает. Ну не в том смысле, что она ему неинтересна. Нет, просто она как бы в нем. И говорит с ней, как с собой. А она всегда внимательно слушает и улыбается. Она почти всегда улыбается.

Доехали до «Ленинских гор». Можно было и на «Спортивной» выйти, было бы быстрее, но так красивее, у них же свидание. Они шли в Лужники, во Дворец спорта. Но не на хоккей и даже не на фигурное катание. На вечер поэзии.

Сначала он планировался в Политехническом, но, когда стали продавать билеты, поняли, что спрос ажиотажный, и решили перенести все сюда. Аншлаг, 14 000 зрителей. Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина.

Весь зал замерев слушал, сидели в проходах. Петя не представлял до этого, как это можно сидеть три часа и слушать стихи. Заранее себя готовил и успокаивал – ну что делать, если Настя так захотела. Когда зазвучал монотонный голос Вознесенского и он повел за собой в антимыры, Петя закрыл глаза. Сначала была какая-то пелена, но потом вдруг внутри стало отдаваться каждое слово, а в какой-то момент слов вообще не стало, пошел один смысл.

Пете показалось, что он просто начал открывать в себе давно существующее, лежащее где-то на глубине, дремлющее, но ждущее своего часа.

Внутри переворачивались страницы, он путешествовал во времени, что-то вспоминалось, что-то вдруг становилось понятным, и все это без слов, без привычного думанья, смыслы вызвали смыслы, какой-то медленный резонанс, подчиняющий все его «я» ясному и вечному порядку.

Разговаривать после стихов не хотелось. Шли молча, чтобы не сбивать настройку. Пете показалось, что этот год вместил в себя столько же, сколько до этого вся его жизнь.

* * *

На следующий день они пошли с Настей на выставку в Манеж. Позвонил Кира и сказал, что сегодня на второй этаж подвезли биллютинцев, все их работы с Таганки, говорят, ожидают самого Хрущева.

От метро шли медленно, обнявшись. Был уже вечер, все так же шел снег. К Манежу было не протолкнуться: люди, машины. Много правительственных «Чаяк» и «ЗиЛов».

В какой-то момент произошло оживление, по ступенькам спускался Хрущев со свитой. Рядом шел какой-то мужчина, с черной шевелюрой и в свитере, явно художник.

Перед машиной они остановились и о чем-то договаривали. В этот момент толпа придвинула Петю с Настей к ним почти в упор.

Им удалось услышать последние слова Хрущева перед тем, как он сел в машину:

– Желаю, чтобы в вас победил ангел.

Глава 11

Аксель пригласил Киру на игру КВН и попросил передать приглашение Пете – видимо, запомнил.

Телетеатр оказался помпезным зданием с колоннами. Кира объяснил, что сталинский ампир – послевоенная реконструкция и перестройка. Изначально это был Введенский народный дом, спроектировали его в начале века, рассчитав акустику зала по лекалам классической итальянской оперы. Всего на окраинах Москвы было построено десять таких домов, чтобы просвещать простой народ, назывались они «храмы искусства». Два из них стали театрами. Этот взял под свой патронаж меценат Бахрушин, пригласил хорошую труппу, тут ставили Шекспира и Ибсена. Была большая библиотека и чайная с дешевой едой. Ну а сейчас это стало Телетеатром, теперь все телевизионные концерты транслируются отсюда, и КВН в том числе.

Быстро нашли Акселя, но ему было абсолютно не до них. Мало того что в компании «бригады создателей» он писал сценарии, теперь он все игры еще и вел.

Вышли команды, вышло жюри, весь зал встал, аплодируя. Игра началась, и Петя понял, почему в названии стоит слово «клуб».

Это и был в первую очередь клуб. Те, кто на сцене, те, кто в зале, даже жюри – все тут были свои, у них и шутки были свои, понятные только им. Клуб или даже орден, но не тайный, наоборот, он приглашал присоединиться к нему всех желающих. Если тебе двадцать, если ты жаден до жизни, до знаний, если тебе не сидится на месте, если ты любишь придумывать, шутить, в том числе и над собой, если тебе хочется все знать и постоянно что-то открывать – иди к нам, будь с нами.

Можно говорить о воспитании нового человека, можно принять сто тысяч программ на пленумах, нарисовать миллион лозунгов, говорить бесконечные речи с трибун, все будет напрасно, все пройдет мимо.

А тут раз само пришло. Просто так, откуда ни возьмись. Передача по второй программе. Конкурс эрудитов. А на деле появился удивительный феномен, миру неведомый, когда вдруг миллионам молодых людей враз захотелось стать другими: яркими, современными, эрудированными. Появилась мода на знания, мода на то, чтобы быть лучше! Было ли такое когда-нибудь? Вряд ли. А мода – великая штука.

Появился всесоюзный инкубатор нового человека – как подарок судьбы, как еще один шанс, как награда непонятно за что. И даже неудивительно было, что он появился с интервалом в две недели после принятия на XXI съезде программы по построению Коммунистического общества в СССР.

И это все легко, без всякого пафоса!

Знаниями гордились, к ним тянулись, щедро делились, вопросы задавали с улыбкой и с улыбкой же на них отвечали. Если был сбой и эрудиции не хватало, в ход шло остроумие, попытка выйти из положения, найти свой оригинальный ответ. Но ни в коем случае не сдаваться. Не проиграть.

Это был клуб, в который от передачи к передаче вступала вся страна.

1963

Глава 12

В Новый год собрались в Малаховке, на даче у Антона. Быстро затопили печь, выложенную кафелем, она стояла в центре дома и грела все четыре комнаты. Обложили ее подушками и развесили вдоль нее на стульях одеяла – предстояло тут ночевать.

Антон раздал всем валенки, а Пете с Кирой достались еще и старые фетровые шляпы, синяя и зеленая. Ребят он поставил на мясо у мангала, девушки резали винегрет, Люсю послали к радиоле менять пластинки.

Сам Антон слонялся с деловым видом по всему дому, а потом и вовсе ушел к соседям узнавать новости.

– Хороший был год, – сказал Петя, – какой-то совсем другой, не как раньше. И сбылось многое.

– Да... Некоторые, вот, со Стравинским поговорили... – улыбнулся Кира. – Ты, кстати, знаешь, что Шостакович написал пять романсов на тексты из «Нарочно не придумаешь»?

– Шутишь!

– Клянусь, я даже проверил, он все действительно из «Крокодила» взял.

Петя на секунду задумался.

– Кира, вот послушай, помнишь, я Филиппычу ляпнул про классику в филармонии и про киножурналы? Вел себя как дурак. А тут летом на тебе – «Фитиль»! И вот ты мне говоришь – Шостакович с «Крокодилом». Сказали мы ему про мертвечину на телевидении – раз, КВН появился.

– Да ты просто об этом думаешь и видишь. Так всегда бывает. Пришло время – и все это появилось.

Подошла Люся.

– Мы тут год обсуждаем, – сказал Кира. – Про Шостаковича говорим.

– А я с Иегуди Менухиным репортаж делала. Интервью брала.

– И меня не предупредила?

– Тебе уже другой гений все сказал.

– А кто это – Менухин? – спросил Петя.

– Скрипач. Приехал к нам на гастроли.

– Я у него спрашиваю: «Скажите, а как вы думаете, почему нашу классику во всем мире слушают и любят?»

– А он?

– «Вы, – говорит, – в России, страдали много».

* * *

– Кто-нибудь понимает, что происходит?

Белка ворвалась в дом, когда куранты уже давно пробили. С ней был какой-то здоровенный парень с добрыми глазами, правда уже порядком выпивший. На нем была куртка то ли оленевода, то ли полярника.

– Ни здравствуй тебе, ни до свидания. Ну, с новым счастьем! – Антон посмотрел на гостя.

– Это Гена, – мимоходом сказала Белка. – Нет, ну неужели вы не понимаете, что происходит что-то не то?

– Белка, о чем ты? Давай поешь сначала.

Ее все-таки усадили, накормили-напоили, но она все никак не могла успокоиться:

– Я про Манеж.

– А что там? – спросил Петя. – Мы с Настей были, нам понравилось. Внизу реалисты, наверху модернисты.

– Видели Хрущева, когда он уже к машине вышел, – добавила Настя. – Он про ангела говорил.

– Про ангела? Он про сраку только может...

– Белка, сейчас выгоню, – предупредил Антон.

– Знаете, какое у него любимое слово в Манеже было? Пидарас. Упоминал его все.

– Это как? – не понял Петя.

– Подходил к каждому из билютинцев, а они напряжены, не всякий день к ним весь этот иконостас с первомайских плакатов в гости приходит. Подходил и спрашивал: а вы пидарас?

– Белка, ты что, дура? Откуда ты это все в дом несешь? – не выдержал Антон.

– Все так и было, и тому есть масса свидетелей. – Она кивнула на своего верзилу. – А потом спрашивал у каждого: «А ваш отец не репрессирован?» Там действительно у многих они полегли в мясорубке. Впечатление, что их специально на выставку по такому принципу подбирали.

– Каждый шестой, – сказала Вера.

– Что каждый шестой? – не понял Антон.

– Каждый шестой в стране был репрессирован. Двадцать миллионов сгинуло.

Все замолчали.

Гена уже несколько раз прикладывался к рюмке и съел почти всю селедку под шубой.

– И что Хрущев? – спросил Петя. – Не понравилось ему? Выходил-то он из Манежа очень мирный.

– Зато там громы и молнии метал. Подстава все это.

– Чего подстава?

– Подставили билютинцев. Это всё старые пердуны, которые рисуют годами домны и весенний сев, чувствуют, что их отодвигают, и сопротивляются, как могут. Специально подстроили, чтобы Хрущ на всех наорал и враз всех нормальных прикрыл. В последний момент, в ночь, позвонили Элику и говорят – привозите срочно картины, даем весь второй этаж, Хрущев придет. Элик чувствовал подвох, но до конца не верил. Ну, конечно, легко можно бдительность потерять, когда вокруг тебя все хороводы водят – и Ильичев, и Фурцева...

– Ну что ты говоришь, ну подумай, тут художники свою поляну делят, а тут Хрущев, первый человек государства. – Антон махнул рукой. – Он и так скачет по стране туда-сюда. Тут война чуть не случилась, какие художники?

– А такие. Я знаю, что говорю. Московское отделение, прогрессивное, написало наверх жалобу, что в Академии художеств окопались всякие ретрограды, сталинисты, что денег Академия жрет ужас сколько, а толку ноль, одни бездарности. Те и пошли в контратаку, понятно, было что терять. И смогли все повернуть. Академию оставили, а Серова ее президентом сделали.

– Тот еще гад, – подлила масла в огонь Люся. – Главный специалист по ленинской тематике. Я недавно как раз брала у него интервью. Долго резала, монтировала, все его оговорки и неграмотности оставила, все его мыслишки убогие. И представляете, приняли без единого слова.

– Все равно я в это не верю, – покачал головой Антон. – Какой бы там ни был Серов ушлый, как бы красиво он Ленина ни рисовал, а Хрущева с бухты-барахты на рядовую выставку ему не затащить.

– А это не он затащил, – тихо сказала Вера.

Все замолчали и посмотрели на нее.

– Это все сусловские игры. У него земля из-под ног уходит, молодые давят со всех сторон. Это не с модернистами в Манеже разделались. Не их подставить хотели.

– А кого?

– Молодежь цековскую. Тех, кто хоть что-то соображает, кто хочет наконец всю эту мертвечину убрать.

– Какую мертвечину?

– Идеологию.

– Ну, опять за свое. – Антон поморщился. – Жили с ней и еще поживем. Тебе что, она мешает?

– Антон, она людей врать заставляет. Представляешь, сколько энергии на ложь страна тратит каждую минуту? Вот захотел бы ты вдруг завести любовницу...

– Слабо ему, – Белка посмотрела на него оценивающе.

Гена потихоньку скрылся за дверью.

– Чтобы мне врать и в глаза смотреть, у тебя бы столько сил уходило! А тут та же ложь, но в масштабах страны.

Она легко может все турбины Братской ГЭС вспять закрутить.

Стало прохладно, Вера завернулась в шаль.

– Пока под Суловым стул не качался, ему на этих модернистов-традиционалистов плевать было. Но как только он понял, что Ильичев с компанией зарвался и очки набирает, нужно было что-то срочно решать. И разработал дьявольский план, начал с ежедневных записок, весь год методично капал Хрущеву на мозги: модернизм в искусстве – это не просто направление и художественное видение. Это так Аджубей с Ильичевым по молодости думают.

– А что же это?

– Это тщательно задуманная акция против нашего строя и государства. Посмотрите, кто только не обхаживает художников этих – и журналисты западные, и дипломаты из их студий не вылезают. Крошечная выставка – а вся мировая пресса отстрелялась. Модернисты не только Ильичеву нужны, но и ЦРУ.

– А что, неправда, что ли? – усмехнулся Антон.

– В одной из последних записок было сказано, что у всех этих художников отцы репрессированы. Вот они и затаили злобу против власти и выражают ее через свою мазню. И список пофамильный: кто, у кого, когда. А последним залпом были те самые пидарасы.

– Вера... – поморщился Антон.

– Написали, что почти все поголовно с физиологическими отклонениями, и какие-то ссылки дали Хрущеву на научные работы, что художники при этом по-особому мир видят. И тоже все подробненько, с агентурными данными и фамилиями.

– Все это деньги. – Антон махнул рукой. – Неужели непонятно? Молодые дорвались, старики их умыли. Вечная тема, вечная борьба. Старое и новое в искусстве, всем хочется славы и денег. О чем мы столько говорим за новогодним столом?

Антон встал и подбросил в печку дрова. Стало поуютней.

– Есть только одно отличие, дорогой Антон, – вздохнул Кира, – всегда публика сама решала, за чьи картины платить. А у нас государство – единственный заказчик, покупатель и издатель. Все эти функционеры в творческих союзах – его уполномоченные агенты, сидят и решают, что покупать, а что нет. А мы так и живем – с такой вот музыкой, с такими книгами и с такими картинами. Киснем и по кругу ходим...

– Вот именно. Всю ночь не пойми о чем разговоры. Ну хватит. Новый год!

Антон принес с улицы холодец и две бутылки перцовки, вынул их из снега. Разлили сразу помногу, чтобы встряхнуться, выпили за искусство. Люся завела неаполитанские песни в исполнении певца Александровича. Но разговор опять скатился к Манежу.

– Так что в итоге? – не понял Петя.

– В итоге, Петя, пошла обратная волна. За несколько часов рассыпали наборы, где хорошо о выставке писали. Картины отобрали. Сулов заставил «Правду» и «Известия» всех пригвоздить к позорному столбу. Но дело этим не кончится, для него Манеж – это последний шанс для реванша, он не успокоится, пока не уберет конкурентов. Уже легла докладная на стол Хрущеву, что и с музыкой неладно, и с кино, и с литературой – везде у нас, оказывается, озлобленные люди прорвались и окапались. Тот повелся и объявил общий сбор, созвал на обед в Дом приемов триста человек, всю интеллигенцию.

– Ромм там был, рассказывал нам потом во ВГИКе...

Из комнаты выглянул заспанный Гена:

– Где здесь Ромм?

– Спи давай. Ромм твой уже дома, уснул давно.

Дверь закрылась.

– А это кто? – поинтересовалась Люся. – Знакомое лицо.

– Да пока никто. Ученик его. – У Белки у самой немного начал заплетаться язык. – Короче, Хрущев встретил всех, как добрый хозяин, мол, ешьте-пейте, гости дорогие, всех люблю, только не шалите. Твардовский ему Солженицына показал, как вазу драгоценную. А потом Хрущ как разошелся, как пошел на Неизвестного орать, говорит, ваши скульптуры – это как на сраку смотреть снизу, из очка.

– Фу... Ну все, хватит уже в конце концов, – рассердился Антон. – Люся, переверни пластинку! А ты иди-ка погуляй.

Он завернул Белку в шубу и начал выпроваживать ее из комнаты. Та сопротивлялась и никак не могла успокоиться:

– А ведь до этого в Манеже с Неизвестным нормально разговаривал, тот его даже до машины провожал.

Антон наконец закрыл за ней дверь. Наступила неожиданная тишина.

К: Пришли Ленин и Луначарский на выставку футуристов в 1920 году. Ленин говорит: «Ничего не понимаю». Луначарский говорит: «Ничего не понимаю». Это были последние советские вожди, которые ничего не понимали в искусстве.

Петя опять налил себе полный стакан водки и залпом его выпил.

– Петя, ты что? – испугалась Настя. – Ты же водку не любишь...

– А как мне жить в государстве, в котором все решает слесарь-недоучка?

– Ну вот, приехали, – сказала Вера. – Давай-ка я тебя уложу. Пойдем, пока ходишь.

Петя посмотрел на нее невидящим взглядом и молча ушел в комнату к Гене, хлопнув дверью.

– Первый пошел, – сказала Люся.

– Суета все это. – Антон тоже немного разомлел. – Ну были модернисты, не были, не вспомнит их никто через год. Слил их твой Ильичев. – Он посмотрел на Веру. – И его скоро сольют, вот увидишь. С вашими разговорами баран остыл. Час назад с мангала внесли.

Они с Кирой сразу взяли себе по несколько кусков, седло барашка – штука хорошая, скоро у каждого на тарелке образовалась груда костей. Перцовка тоже кончилась.

– А вы нам обещали сюрприз, – сказала Люся. – Что-то смешное рассказать.

Антон покосился на обглоданный позвонок.

– Старик, только давай без этого! – Кира начал догадываться. – Что-нибудь понейтральней.

– А что ты боишься? Настя балетная, они как суворовцы. Девушка твоя культуру обзревает и не такое слышала. Вера не в счет.

Кира встал из-за стола, надел фетровую шляпу и молча вышел на улицу, похожий на кота в сапогах.

– Второй... – кивнула Люся.

Антон подошел к печке и откашлялся:

– Анекдот про Чапаева. Рассказывается впервые. После прослушивания забыть. Пока государственная тайна.

– Опять, – вздохнула Вера.

А: Петька с Василием Ивановичем собрались на рыбалку, купили водки и барана. Барана зажарили и тут вспомнили, что стаканы забыли. Петька побежал за ними, а Чапаев выпил всю водку, съел барана и заснул. Петька вернулся, смотрит – только бутылка пустая и косточки остались. Со злости он взял и засунул Чапаеву в жопу бараний позвоночник. Наутро встречаются, Василий Иванович говорит: «Ну, Петька, я вчера так надрался, что сегодня сел срать и высрал позвоночник. Еле обратно запихал!»

Последние слова он уже выкрикивал из другой комнаты, куда его уволокла Вера, обхватив рукой шею. Он немного и сам сейчас был похож на барана.

– Третий, – сказала Люся. – Пора спать.

* * *

Когда Белка вошла к себе в комнату, то увидела на широкой кровати спящих Гену и Петю. Она накрыла их одеялом, пробралась в середину и легла между ними. Каждый, не сговариваясь, положил ей голову на плечо.

– Хорошо год начинается, – сказала она и закрыла глаза.

Глава 13

В начале марта их вызвал Филиппыч для важного разговора.

– Ну что, голуби, финита. Вся чапаевская серия с финальными версиями утверждена. Посев в сентябре, сразу же после всесоюзной премьеры, фильм уже восстановили. Шуму будет много, так что готовьтесь. Есть шанс, что к вам придет популярность. К сожалению, тайная. – Он был в хорошем настроении. – Теперь, собственно, чего я вас пригласил. Как вы знаете, после всей этой истории в Манеже возникло некоторое напряжение в отношениях с творческой средой. С тех пор еще трижды с ними встречались и трижды умудрились все обострить.

– Так нельзя с художниками, – сказал Петя. – Если у тебя образования или культурного уровня не хватает, чего лезть туда, где не понимаешь? Он их всех потеряет. Или уже потерял.

– Он – это кто?

– Хрущев. Никита Сергеевич.

– Поможем ему?

– В смысле?

– Не потерять.

Петя задумался:

– А как?

– Им нужна поддержка. Пока в форме успокоительного. И так все непросто в мире, пусть пока не взбалтывают. Придумайте им игру для мозгов.

– Уже есть, – сказал Кира. – Шахматы.

– Спасибо. – Филиппыч не считал нужным прореагировать. – Уточняю задачу: придумайте анекдот-конструкцию, серийность хорошо работает, пусть в него интеллигенция свои мысли-настроения загружает, туда-сюда гоняет и успокаивается. Не шахматы, а четки. Придумайте им надежную и универсальную фигу в кармане.

– А может, нам для Никиты Сергеевича что-нибудь лучше придумать? – предложил Кира.

– За него не беспокойтесь.

– Как-то с фигурами не очень хочется дело иметь.

– А почему вообще вокруг них столько суеты? – не выдержал Антон. – Эти биллотины – мазня сплошная. Нужно меньше на них обращать внимания. Кому на Западе до этого скандала был нужен Неизвестный? Или Голицын? А после того, как с ним Хрущев в Кремле поговорил, иностранцы всю его графику на корню скупчили. Они же за один день звездами стали.

– А может, они с Хрущевым в доле? – Филиппыч улыбнулся. – Сами вы все прекрасно знаете, не маленькие. Как только у нас художник или писатель сделает что-нибудь этакое, что противоречит нашей системе ценностей, да если еще при этом власть чуток покритикует – все! Лакомый кусочек. Берут в разработку и ведут, не отпускают.

– Кто? – сразу не понял Петя.

– Тарапунька и Штепсель.

– Да кому мы вообще нужны? – Кира улыбнулся. – Пора бы нам успокоиться.

– Я бы с радостью успокоился, дорогой мой. Да не могу. Там никак не успокоятся. – Филиппыч сделал замысловатый жест. – Цифры им покоя не дают. Можешь почитать при желании обзор ЦРУ: к концу XX века СССР втрое обгонит США по валовому национальному продукту. Мы имеем десять процентов роста, правда, они утверждают, что семь, но и этого хватит. У них-то у самих всего три.

– Это цифры трехлетней давности, – уточнил Антон, – сейчас меньше.

– Это не повод сидеть сложа руки. Вот они и не сидят. Велосипед изобретать не надо, есть хорошее средство – пятая колонна. А там все сгодятся: и ученые, и художники, и интеллектуалы, гении, неудачники... Недовольные, агрессивные, амбициозные, закомплексованные. Прекрасно подойдут даже те, кто искренне желает помочь улучшить нашу систему. Находят они их и лелеют, поддерживают всеми способами. И что, по-твоему, мы должны оставаться в стороне? – Филиппыч критически на них посмотрел. – Ну что, нашли себе политинформатора? Я вам дал библиотечный день, у вас допуск, залезайте и изучайте. Изучайте процессы, а не людей. Будет полезно. Есть сборники, есть первоисточники, но там сами переводите. Идет война холодная... Идет во всем. Как мы бегаем и прыгаем на Олимпиаде, удобные ли у нас кухни и диваны, у кого лучше фильмы, вкуснее молоко, чей космос... Холодная война дает миру массу изобретений, которыми мы всю уже пользуемся в обычной жизни. То, чего бы просто не возникло, если бы не это ожесточенное соревнование. Все, как всегда, имеет две стороны. Главное друг друга не угробить. – Филиппыч помолчал. – Мы даже х*ями меряемся.

Троица смотрела на него во все глаза.

– Башни телевизионные строим. У кого выше. Ну ладно, жду с идеями.

Филиппыч умел придумывать сказки, вернее, сказочные задания. И задал тогда царь богатырям новую задачу, пуще прежней, сложнее во сто крат. И пошли они куда глаза глядят. В пирожковую.

* * *

– Жалко даже с Василием Ивановичем прощаться.

- Зачем прощаться? Наоборот, он вновь родился. От трех отцов.
- Начнется у него новая жизнь. Представляешь, жил человек красиво, погиб как герой, а тут оказывается, что его главная миссия вовсе не эта, а быть персонажем анекдотов.
- Судьба. Зигзаг истории.
- Ты сам ему этот зигзаг и нарисовал.
- Ну ладно, даст бог, он на нас не обидится.
- Может, свечку за упокой поставить, а то ведь сниться начнет по ночам. Каменный гость, в бурке, на коне. Топ-топ.
- Красивый был бы памятник.
- Так, давайте к нашему волшебному сундучку. Что там нужно-то?
- Ну что-то типа пазла или шарады.
- Да нет, какая шарада? Это скорее частушка, форма одна, музыка одна, а вариантов сотни тысяч.
- Красивый язык, – вдруг сказал Кира.
- Женщины-феи хлопотали на кухне.
- Знать бы, о чем говорят.
- Я думаю, у них тут разговор один. Лаврушку кинула? Да. Когда пирожки вынимать?
- Через минуту. Вопрос-ответ.
- Может быть вопрос-ответ?
- На татарском.
- При чем здесь татарский?
- Чтоб никто не догадался.
- Я вчера по радио слушал передачу, рассказывали про новые моющие средства и давали советы.
- «Снежинка», «Лебедь», «Универсол».
- «Ракета».
- «Эра». «Синтпол».
- «Мильвок».
- «Персиль». Шах.
- «Капронил». Мат!
- И какие там советы давали?
- Одна слушательница из Читы спрашивала, можно ли мыть голову стиральным порошком «Новость».
- Вот бы с ней познакомиться.
- Врач-косметолог Гусарова ей ответила, что, несмотря на то что этот порошок получил широкое распространение в нашем быту и хорошо стирает в жесткой воде, мыть им голову нельзя. Потому что в его состав входят очень едкие вещества, можно повредить не только волосы, но и...
- Голову! Голову можно повредить!
- Кира, ты с чем пирожок съел? Мне кажется, в них тетеньки что-то свое, восточное подмешивают для счастья.
- То-то мы сюда ходим.
- Подсели! Как и весь МАРХИ.
- Радио! – Кира победно улыбался. – Ему задают вопросы, оно отвечает. Вот тебе и конструкция.
- Татарское радио?
- Глупый ты, Антон, армянское. Помнишь, нам Люся рассказывала про диктора-идиота?
- Умнейший, кстати, диктор.

К: Армянское радио спрашивают: «Чем социализм отличается от капитализма?» – «При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме наоборот».

– Можно на работу год не ходить, – мечтательно сказал Антон. – Соберу удочки, поеду к бабке на Упу лещей ловить. А Филиппычу скажем, что работаем, нужны сплошные библиотечные дни, чтобы энергию и напор в кулак собрать. Нет, правда, какой смысла все сразу сдавать? Давайте пару-тройку месяцев тему помурзим.

– У тебя замашки жучка-плановика. Ты в курсе, что за неверную отчетность ввели уголовную ответственность?

– Мы друг друга не сдадим. А они, – он кивнул на пирожковых фей, – нас не слышали. Гуляем.

– А где Мухин?

* * *

– Я теперь у Кобзона.

– Этот с коком, что ли? «А у нас во дворе»? «По Ангаре»?

– Он.

– А как же музыка, Мухин? У тебя же прорыв запланирован.

– У меня жена молодая, мне зарабатывать нужно, я еще и мать кормлю.

– А Бернес? Тебе же он нравился?

– Боюсь я. У него концерты все сплошь левые. Митя Городецкий, его импресарио, всегда только за наличный расчет их ставит. Получит деньги и раздает нам в машине. Каждый раз мне не по себе. Как в «Советской культуре» фельетон о леваках вышел, сразу нашего брата шерстить начали. «После первого звонка» назывался... Для меня одного звонка достаточно. Чувствую, ОБХСС рядом бродит, а тут меня как раз Кобзон увидел. Работаю теперь с ним. Нас Паша Леонидов в свою обойму взял.

– А это кто?

– Знаменитый администратор. Все директора филармоний по стране схвачены.

– Быстро как-то твой Кобзон пошел.

– Прет как танк. Умный мужик, понимает, что ему нужно: лучшие песни, лучший состав и лучший директор. В «Голубом огоньке» с ним снимался, ему бороду наклеили и автомат дали, он «Товарищ Куба» пел. А по заднему плану кордебалет, тоже автоматчицы, в хаки. Огонь-бабы!

Сидели в «Шестиграннике», кафе в Парке Горького. Место было модное и бойкое, захотелось веселья и даже, как выразился Антон, некоторого разгула. По вечерам тут были танцы и много красивых девушек.

Пошли в отрыв.

Решили, что в этот раз лучше подойдет портвейн: обстановка и время года требовали. Весь зал твистовал, музыканты старались, правда, Мухин их обозвал халтурщиками, но это были его внутренние профессиональные критерии.

Скоро за столом появились Леся и Тата, потом Ася, потом еще двое – Лариса и Женя, нужно было останавливаться.

Кира благостно сидел между двумя студентками из иняза, это как раз были Леся и Тата, разговор у них вился вокруг недавней выставки Фернана Леже в Пушкинском музее. Антон выяснял у Аси, в каком отделе магазина она работает, здесь его ждало разочарование, это был рыбный, даже не спорттовары. Петя никак не мог сосредоточиться – Лариса или Женя, в итоге Лариса ушла танцевать с каким-то модником-брюнетом, а Женя сразу перестала ему нравиться, посидела немного и тоже ушла. Мухин засобирался, выпили уже порядком, а завтра еще музыку играть. Петя вышел в самый центр к танцующим и стал читать стихи

прямо под музыку. Его, конечно, никто не слышал, а он все равно читал. Потом стал ходить между танцующими девушками и объяснять, что волосы мыть «Новостью» никак нельзя, потому что там серная кислота.

Его забрал Антон, Кира с француженками ждали уже внизу, Ася не понимала своей судьбы на этот вечер, но Антону уже было не до нее.

Такси они поймали только одно, поэтому Асино счастье прошло мимо, погрузились в пятером и долго не могли понять, куда ехать. Тата деликатно заметила, что у нее родители уехали в Трускавец, а бабушка не в счет.

По дороге взяли еще, что могли взять, какую-то дорогую импортную штуку с большой разноцветной этикеткой и пробкой винтом.

Тата жила где-то в районе Бауманской, в большой квартире, бабушка тихо сидела в дальней комнате – видимо, была хорошо приучена. Завели музыку, стали пробовать танцевать, но быстрые танцы не получались, а медленные не могли понять, как танцевать, один был все равно лишний. Петя уже к этому времени пришел в себя и планы Антона слегка нарушил.

Кира предложил сделать пантомиму теней. Оказывается, нужны были настольная лампа – ее поставили на полу – и простыня, одну ее часть как-то защемили дверцей шкафа, а другую дали держать Антону. Кира сказал, чтобы все хорошо получилось и было красиво, важно, чтобы одежда не мешала телесным изгибам, и тогда все быстро разделись, кроме Антона, потому что он держал простыню.

Пантомима удалась, было несколько номеров – свинарка и пастух, суд Париса (им был Кира). Орфей и Эвридика не очень хорошо получилось, потому как вместо лиры был цветок алоэ, а он не очень под ходил.

Чтобы как-то вовлечь Антона в игру и он перестал нервничать, его решили отвезти на море, Тата набрала полную ванну воды, Лесе принесла пачку соли и почти всю ее туда высыпала. В этот момент Кира и Петя не разрешали ему выходить из вагона, потому как проезжали только Мичуринск и старушки должны были продавать картошку с малосольными огурцами и укропом. Нужна была старушка. Но Тата встала в дверях и сказала, что бабушку нельзя будить, иначе она не уснет. Наконец на море приехали, Антона тоже раздели, Тата принесла ему из шкафа сатиновые папины трусы, выключили свет и положили его в ванну. Антон сказал, что это ненастоящее море, нужны чайки. Тогда Тата быстро сбегала и принесла клетку с канарейками. Канарейки плавали не очень хорошо, и про них скоро забыли. Стало уже как-то прохладно бегать голыми и тогда легли под одеяло, вчетвером, потому что Антона Лесе удалось закрыть. Тата ему объяснила через дверь, что можно пяткой заткнуть слив, пустить тонкую струйку воды и спать до утра, ее папа так часто делает.

Петя подумал, что сложно не запутаться и что он по-прежнему не может сконцентрироваться ни на Тате, ни на Лесе. С Кирой они уже поиграли, и тот сладко заснул, и Пете как-то хотелось одинаково ощущать их обеих, но не получалось, внимание переключалось то туда, то сюда.

Наконец они пошли открывать Антона, и Петя заснул.

* * *

– Ку-ку, – сказал Антон.

Библиотечный день давно кончился. Девушек не было, они ушли в институт. Бабушка пожарила ребятам яичницу с луком, отрезала черного хлеба, было видно, что она давно перестала чему-либо удивляться. Петя мог поклясться, что всю ночь она вспоминала за дверью свою бурную молодость, приключений в ее жизни наверняка было никак не меньше.

Утро на работе было обычным, к часу дня нужна была «объективка», вычитывался и анализировался поток анекдотов, тут еще какое-то дурацкое совещание, вокруг народ, а они сидели, переглядывались и прятали глупые улыбки.

Их немножко потряхивало, рубашечки были вчерашние. И лица были вчерашние.

* * *

Но главное их ждало вечером. Антон сказал:

– Петя, ты должен поехать со мной. Ты должен объяснить, что я целую ночь проспал в ванной. Что у нас был такой... праздник Нептуна... или... не знаю... посвящение? Как это лучше назвать?

Петя поехал с ним.

Вера была спокойна, как танк. Она их сначала накормила, забрала у Антона не очень свежую одежду, дала ему тренировочные и красную футболку с номером «9».

– Дело государственной важности? – спросила она. – Я хорошо вас поняла?

– Не без этого, – согласился Антон.

И посмотрел на Петю с надеждой.

Петя сказал:

– Знаешь, Вера, иногда в жизни бывают ситуации, когда...

Вера молчала.

– Их толком ни описать нельзя, ни объяснить – ну, случилось и случилось. Главное, что мы здесь... видишь, я мужа тебе привел. Он дышит. Между прочим, он провел ночь, как Ихтиандр.

Антон и Петя глупо захихикали.

– Что?

– Кильками только мы его не кормили и сома не запускали, но канарейки вокруг него плавали. Но я тебе могу пообещать, что он был и остается только твоим. Мы старались, как могли. И оберегали его от всяческих...

– Мы – это кто?

Петя напряженно думал.

– Ну позвонить-то ты хоть мог? – Вера посмотрела на Антона.

– Ты знаешь, мне кажется, Вера, он в тот момент цифр не знал. И букв.

– Да... Веселая у вас компания. Ну, хорошо. Я подумаю, чем мне ответить.

* * *

Ответила Вера асимметрично.

Антон уложили, она налила Пете рюмочку коньяку. Пете стало так хорошо – и поел, и как-то отогрелся внутри, и тремор сошел. И Антон спит – товарища-то спас.

– Слушай, Вер, а расскажи-ка мне про Канторовича.

Вера долго на него смотрела, и было непонятно, то ли она его сейчас сковородкой треснет, то ли поцелует. Она открыла окно и даже закурила. Петя подошел и встал рядом:

– Ты не расстраивайся, он хороший.

– Да я сама знаю. – Она вздохнула. – Я же не в беспамятстве замуж-то выходила. Мне такой и нужен. – Она посмотрела на Петю: – Ну, и зачем тебе Канторович?

– Ты знаешь, Вера, мне интересно. Мне вообще все интересно.

– Я обратила внимание.

Она курила и смотрела вниз.

– Ну ладно. Садись. И слушай.

Рассказ Веры про фанерную фабрику, Канторовича и его чудо-способ.

Канторович предстал перед Петей сказочным героем. То ли Иванушкой-дурачком, то ли стариком Хоттабычем. Короче, началось все на фанерной фабрике. Давным-давно, еще до войны, попросили его, профессора-математика, рассчитать, как лучше фанеру резать и станки фабричные использовать. И придумал он вдруг чудо-способ, как вообще все в стране можно рассчитать и улучшить.

А лет через пять в далекой Америке его чудо-способ заново переоткрыли два таких же Хоттабыча, Данциг и Кумпас. Только на свой капиталистический лад. И стали там решать разные проблемы: и с транспортом, и с распределением ресурсов на ВВС, и даже обчитывать инвестиции на Уолл-стрит.

Но в Америке никак не могли этот чудо-метод как следует применить – там у компаний разные владельцы, одержимые конкуренцией друг с другом. А у нас было по этому поводу настоящее раздолье. Между оптимальным планированием и природой социалистического общества царил полная гармония.

Канторович долго мыкался и горе хлебал, послал свой труд Сталину, но чиновники его заволяли, уж больно он шел вразрез существующим марксистским догмам. Чуть не расстреляли, но спохватились в последний момент, он ведь делал математику для Соболева, а тот на своей БЭСМ рассчитывал урановый проект.

Два года назад его нашел академик Немчинов, отвечавший в стране за преобразование нашей экономики математическим способом, и послал в Академгородок дорабатывать свою идею, дав ему в подчинение целое отделение в Институте математики.

И наступил для Канторовича суций рай. Компьютерный центр, машинное время без ограничения, любые научные журналы, коллеги достойные. Парочка циклотронов. Квартира под двести метров. Никаких национальных вопросов.

В этом раю Эдик и трудится.

В этот момент Пете показалось, что он проснулся, его голова лежит у Веры на коленях и она гладит ему волосы. Он вновь закрыл глаза.

* * *

Когда Филиппычу доложили об изобретении «Армянского радио», он аж крикнул. Встал, заходил по комнате и сразу же попробовал анекдот-конструкцию на деле, выдав экспромт:

Вопрос, на который Армянское радио не смогло ответить:

«Когда мы догоним и перегоним Америку, стремительно катящуюся в пропасть?»

Анекдотов до этого Филиппыч не сочинял.

Придуманная самоиграйка выдавала анекдоты сама, без всяких ограничений. Мало того, от нее было страшно тяжело избавиться, наверное, неделю им пришлось провести в непрерывном генерировании всякой чепухи: любая ситуация, любая мысль, любая ерунда без труда в эту шкапулочку залезала и махала хвостиком.

Филиппыч тянул с ответом, их идея, видимо, гуляла по инстанциям, и Петя представлял, как ее обсуждают серьезные люди на каком-нибудь важном совещании. Возможно даже присутствуют академики. Еще Петя переживал, чтобы не обиделись армяне, но он себя успокаивал, что наверняка все согласуют, с кем нужно. С кем из армян нужно было согласовывать, Петя не представлял.

Глава 14

Антон отмечал день рождения. Собрались небольшой компанией: Мухин укатил на гастроли, Белка в Ленинград, зато был Эдик, ему предложили место в каком-то новом НИИ, и он приехал на разведку.

Антон начал курить трубку. Вообще раньше он не курил и дыма не переносил. Сначала пробовал отпустить бороду, но на работе не одобрили. И тогда он решил – пусть будет хотя бы трубка. В большой комнате у него теперь висели два портрета: Хемингуэя и Курчатова.

– Ты, кстати, слышал что-нибудь про «коллективного Курчатова»? – спросил Антон, поймав Петин взгляд.

– Что еще за зверь?

– Хрущев создал при себе Совет по науке, туда теперь все лучшие ученые входят, мозговое ядро страны. Только что отстояли всю Западную Сибирь от затопления, там Нижнеобскую ГЭС хотели строить.

– Жалеешь, что ушел из науки?

– Жалею, конечно. Но я могу для нее и на своем месте кое-что сделать.

– И каким же образом? – поинтересовался Кира.

– Ученым нужно создать особые условия. Для того чтобы они трудились успешно, нужна иная степень свободы. И больше политических прав. Они – вершина социальной пирамиды.

– Новая элита?

– А чем она тебе не нравится? Тебе ведь хочется, чтобы в стране все было демократически и законно?

– Глупо отказываться.

– А знаешь, кто в Англии надзирает за соблюдением конституционных прав? Кто высший арбитр в спорах?

– Палата лордов.

– А в Америке?

– Верховный суд.

– У нас это должна быть Академия наук.

Кира улыбнулся.

– Ну что смеешься, это не мои мысли, Капица и группа ученых собираются послать Хрущеву письмо с предложением. Эту функцию у нас в стране смогут взять на себя только они. Кира, пойми, наступает новое время, ученые приходят на смену политикам. А что превращает ученых в элиту? Не сила, не родословная, не деньги. Не умение рифмовать. Знания!

Наконец все уселись за стол. Антон разлил шампанское:

– Предлагаю тост на правах именинника – за аристократов духа!

Выпили. Застучали вилки. Кира продолжал сидеть и о чем-то думать.

– А математика может описать бесконечность? – вдруг спросил он.

Антон пожал плечами, не отрываясь от тарелки:

– Старик, конечно не может. – Эдик удивился такому глупому вопросу. – Бесконечность вообще нельзя описать, на то она и бесконечность.

* * *

Петя повел Настю в ванную – нужно было серьезно поговорить.

– Петь, ты чего?

– Дай поцелую.

Они сели на край ванны, поперек которой была какая-то деревянная решетка с тазом, где квасилось белье.

Целовались долго. Когда градус поднялся до неприличия, Настя сказала:

– Пойдем лучше потанцуем.

– Скажи, а когда тебя на сцене мужчины за разные части хватают, ты что испытываешь?

Настя удивилась:

– Петь, мы же как спортсмены. Ничего я не испытываю. Я танцую.

– Но это же чужие мужчины.

Она покачала головой:

– Я к этому нечувствительная.

– А я вижу, что чувствительная.

– Это потому, что я тебя люблю.

– А я тебя.

Они подошли к зеркалу и долго на себя смотрели.

– Слушай, Насть, а не надоело тебе каждый день в Электросталь мотаться? И как ты не боишься? Ночь, электричка...

– А я, Петенька, могу такое лицо сделать, что ко мне ни один не подойдет.

– Покажи?

– С тобой не получится.

– А когда тебе главную роль дадут?

– Будешь меня любить – дадут.

– А я тебя люблю.

– Значит, увидишь.

– А почему ты меня выбрала?

– А я тебя не выбирала. Это не вопрос выбора, Петя.

– А что же это?

– Я в своей жизни вообще ничего не выбираю. Все само собой происходит. Вот и тебя встретила. Ты подошел и сказал какую-то глупость.

– Как-то не видно по тебе, что ты плывешь по течению.

– А я разве тебе это говорила?

– Хочешь, поедem к тебе? С родителями познакомишь.

– Как-нибудь поедem. Познакомь меня сначала со своими.

– Они у меня знаешь, какие... Мама – врач, у нее такая улыбка... У них есть хирург, он всегда говорит: «Знаете, товарищи женщины, вот фигуру я бы взял у Валентины Михайловны, глаза у Агнессы Львовны. А улыбку...»

Настя улыбнулась.

– А отец у меня очень строгий, – предупредил Петя. – Но ты ему понравишься. Он хрупких любит. Возьмет твою ладошку в ручищу свою и скажет: «О, привел...»

– А кто он у тебя?

– Начальник цеха на Электроламповом. Не помню ни одной ночи за последние года три, когда бы у нас не звонил телефон и он с кем-то не ругался.

* * *

Петя вышел на кухню. У окна курила Вера, Эдик почему-то жарил яичницу.

– Эдик, ты что, с ума сошел? Там еды полон стол!

– Знаешь, старик, у меня когда мысль в голову приходит, я должен яйца жрать. Не знаю почему.

– Завидую я вам, ребята, – сказала Вера, глядя на звезды.

- Это почему?
- У вас яйца есть.

* * *

Расходились за полночь. Настя уже никуда не успевала.

- Поехали ко мне.
- А родители? Нет, Петя, я так не могу.
- Да они спят давно.

Поймали такси, подъехали к его дому.

- Видишь, здесь аквариум вместо витрины. Настоящий.
- И что там, прямо живая рыба?
- Ну, когда ее подвозят, она здесь плещется, плавает. Можно видеть ее и с улицы, и изнутри. Выбрать любую к обеду. Вообще наш дом до войны построили, по американскому проекту.

Они зашли во двор и поднялись на четвертый этаж. Петя бесшумно открыл, они проникли в его комнату, тахта расстелилась быстро, правда, была очень узкой для двоих. Они легли и обнялись.

- Петя, только ты, пожалуйста, меня не трогай. Ладно?
- Это почему? Мы же любим друг друга.
- Я так не могу. Мне так не хочется. Просто обними меня и погрей. Знаешь, я худая, мне все время холодно.
- Может, тебе и сказку рассказать?
- Расскажи.
- Да я ни одной не помню.
- Нет, ну давай, раз обещал.
- Ну, ладно.

Петя встал, достал с верхней полки книжку, нашел в столе фонарик. Накрыв их одеялом с головой, они были как в чуме или как в палатке.

- Ну, слушай. Сказка называется «Халиф-аист».

Глава 15

Минут за пять до конца рабочего дня позвонила Белка. Петя понял, что что-то случилось.

- Детский сад. – Антон повесил трубку.
 - Ну что там?
- Антон жестом показал, что об этом здесь лучше не говорить.
- Хотите, поехали со мной? – предложил он.

Встретились в пивной на ВДНХ, в двух шагах от ВГИКа. В этом был глубочайший смысл – тут продавали чешское разливное пиво и шпикачки.

Белка нервничала, но виду старалась не подавать.

- Скоро, может, меня к вам на допрос при введут.
- Интересно, – оживился Кира. – Когда ждать?
- Да кому ты нужна? – Антон пока не мог оторваться от колбасок. – Шастаешь, что ли, где не нужно?
- Да нигде я не шастаю. Вчера учусь себе спокойно, большой перерыв, сидим болтаем, а тут к нам привозят итальянцев, целую делегацию. Встреча в актовом зале: Фиорованти, Кастеллани, Лидзани... И вдруг какой-то умник, а скорее всего, полный кретин шлет им

записку на сцену: как вы относитесь к встрече нашего руководства с творческой интеллигенцией? Ну, они люди западные, говорят: мы категорически против, чтобы власть вмешивалась в дела художника. А при этом ведь почти все они – члены компартии. В зале – овация. Наш ректор, Грошев, хороший дядька, попытался скандал как-то замять, но его освистали и согнали со сцены. В общем, вместо дня советско-итальянской дружбы у нас получилась политическая манифестация. Боюсь, не доучусь, разгонят всех. Все к этому идет. Всех по очереди в деканат пока вызывают.

– На сцену выходила?

Она кивнула.

– Выходи за меня замуж, – предложил Кира. – Уедем на север оленей разводить.

Белка его предложение проигнорировала.

– Накат пошел, – серьезно сказала она.

– Ты о чем? – не понял Антон.

– Да вообще, непонятно, что происходит. Марлен с Геной такой фильм сделали – с ума сойти можно. А его хоронят заживо.

– А что за фильм? – поинтересовался Петя.

– «Застава Ильича».

– Про революцию?

Она покачала головой:

– Про то, как жить дальше.

– И как жить дальше?

Белка замолчала – видимо, с Кирой ей не очень хотелось общаться.

– Свое искать, – наконец ответила она. – Пока ищешь, пока вопросы задаешь – ты жив.

– Значит, я точно жив, – успокоился Петя.

– Вызвали их на ковер, в просмотровом зале весь иконостас, и началось: фильм идеологически направлен не туда, молодежь не та, все не так. Суслов говорит: «А вы знаете, что такое Застава Ильича?» Все: «Ну да, район у „Серпа“, там действие фильма происходит». А он: «Застава – это сторожевой отряд, они нас от Ильича обороняют». Все переглядываются, что за маразм. А он продолжает: «Почему там молодежь картошку в мундире при свечах ест, у нас что, электричества нет?» И дальше такая же белиберда, и все ему поддакивают. И Хрущ в ту же дуду – «седые усы рабочего»... Фраза вечера.

– Какие усы? – не понял Петя.

– У Гены друг есть, он постарше, из Киева, писатель Виктор Некрасов. «В окопах Сталинграда» читал? Встречаться им только опасно, пьют вместе сурово.

– В «Новом мире» его очерки об Италии напечатали, – сказал Кира. – Он там про этот фильм тоже написал, похвалил.

– Ну так его это фраза и была: мол, я особенно благодарен Шпаликову и Хуциеву за то, что они не выволокли за седые усы на экран старого рабочего, мудрейшего из мудрых, на все имеющего ясный ответ. А Некрасова наверху не очень любят. Видимо, кто-то прочитал, стукнул – и ополчились.

Белка взяла у Антона кружку и выпила залпом половину.

– Скоро Хруща снимут, – сказала она, вытирая усы из пены. – У нас все об это говорят.

– У вас вообще много говорят. – Антон вернул себе кружку. – Дождетесь, загонят вас как-нибудь в опломбированный вагон и отправят на Запад. Баррикады строить.

– В «Нью-Йорк Таймс» недавно была статья на ту же тему. – Кира не упускал возможности расширять свои горизонты в библиотечные дни.

– И кто вместо? – удивился Петя.

– Фрол Козлов. – Для Антона, похоже, это тоже не было сюрпризом.

– Это кто кудри бриолинит? Ненавижу. – Белка сверкнула глазами.

– А его-то за что?

– Сидел в президиуме, когда в марте в очередной раз интеллигенцию собирали. Хрущ на всех орет, а он считывает слева направо, кто как себя ведет.

– Козлов сейчас второе лицо, – пояснил Антон. – Когда Хрущев уезжает, оставляет его на хозяйстве. Все последние указы: о тунеядстве, о валютчиках – его инициатива. Не дай бог нам такого. Сталинист.

– Погоди, ну а что там было, на этой встрече в марте? – спросил Петя.

– Цирк был. – Белка опять сделала быстрый глоток из кружки брата. – Сначала досталось Вознесенскому, тот просто голову в плечи вжал и стоял, Хрущ ему слова не давал про-изнести. «Уезжай, – говорит, – из страны, ты ее позоришь». При этом назвал его почему-то господином. Потом вместо Аксенова, тот должен был выступать, по ошибке поднял с места Голицина, графика, тот просто в красной рубашке сидел и улыбался. Вызвал на трибуну, говорит: «Рассказывайте». Тот: «А что рассказывать?» – «А вы кто?» – «Я Голицин» – «Князь?» – «Нет, – говорит, – я график. Реалист. Могу работы показать». – «Не надо. Ну раз вышли – говорите». – «О чем?» – «Сами должны понять, о чем». – «Не понимаю. Может, я стихи почитаю?» – «Какие стихи?» – «Маяковского». Зал в лежку, театр абсурда. Какая, на фиг, теперь отмена цензуры? Ионеску в Кремле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.